

КЛЭР ТВИН

ВАМПИРЫ В
САЛЛИ ХИЛЛ

Клэр Твин

Вампиры в Салли Хилл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42822503

SelfPub; 2023

Аннотация

Приключения Марго и её друзей продолжаются. На этот раз ведьме предстоит встреча с кровожадными вампирами, которые приметили большие планы на маленький Салли Хилл. Девушка столкнётся ещё с множеством семейных тайн, секретами и конечно же с любовными драмами. Сможет ли Марго преодолеть трудности своей жизни и вновь спасти Салли Хилл от зла, живущего здесь с 1692 года? Встречайте вторую часть истории о приключениях юных друзей, готовых пожертвовать всем ради защиты своего дома.

Содержание

1695 год. Восход луны	4
Сила в тебе	8
Новости	20
Вечер нарциссов	35
1694 год. Салли Хилл	63
Знаки	70
Колодец тьмы	81
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Клэр Твин

Вампиры в Салли Хилл

1695 год. Восход луны

Это настоящий хаос. Люди бежали с душераздирающими криками, от которых можно с легкостью сойти с ума. Их было человек десять – случайные очевидцы. Бедняги, им очень не повезло оказаться здесь в эту секунду, когда магия достигла своего пика и свет начал свою борьбу против тьмы. Ничего не изменить – они видели то, что для простого смертного не существовало.

Под покровом тьмы, когда безликая луна взошла над Салли Хилл, три ведьмы, сплотившись, громко читали заклинание, от которого поднимался ужасный ветер, животные бежали прочь, а земля под ногами тряслась и покрывалась уродливыми трещинами. И пусть девушки были совсем юные – их мощная сила способна даже день заставить поменяться с ночью местами. Яркая вспышка прошла волной, сбивая всех и вся: травинки прогнулись, листья деревьев покинули родные «гнезда», а пыль захватила воздух. Многие жители городка выпрыгнули из своих кроватей, выбегая во двор, чтобы убедиться в том, что им не снился яркий луч света. Возможно, сам Бог спустился на землю благословить

их семьи. Но белый ослепляющий глаза свет мгновенно потух. Все возвращалось на свои места. Люди, что несколько минут назад бежали с криками о монстрах, теперь стояли посреди улицы и оглядывались в недоумении. «Где я? Почему я здесь?» – думали они. Память их была девственно чиста, и тогда на большом холме ведьмы открыли свои очи. Они синхронно отпустили ладони друг друга и с подозрением смотрели перед собой. Сработало? Одна из них сделала неуверенный шаг вперед, но резко застыла на месте, ибо ее глаза и глаза ее сестер видели в метре от себя живую статую, покрытую белой пылью и трещинами, будто ей тысяча лет и существовала она еще во времена самого Цезаря. Ведьмы облегченно выдохнули и расслабили плечи. Две сестры поравнялись с третьей и печально вскинули брови. Туман спустился на холм подобно мантии, подул прохладный ветер, развивая пряди длинных волос. Стало совсем темно, поэтому ведьма с золотистыми локонами, облаченная в розовое платье с корсетом, негромко произнесла:

– Спленидиа лумина, – в эту секунду над ее ладонью вспыхнул огненный шар, отчего кромешная тьма мгновенно рассеялась. Шелест листьев на деревьях заставил девушек прислушаться к лесу. Им пытались что-то донести. Только вот что?

– Это последний раз, когда мы используем магию, ведь так? – и не спросила, и не утвердила свое предположение сестра с красной лентой в каштановых волосах.

Ответ не заставил себя долго ждать:

– Да, – выдохнула ведьма в платье фисташкового цвета. – Если, конечно, нам вновь не придется выручать людей.

– Неблагодарных людей, – поспешила добавить блондинка, чье лицо потемнело от злости. Ей до сих пор трудно свыкнуться с потерей дома, родной матери и даже фамилии.

– Кассандра, – шепнула ей сестра, мягко положив ладонь на плечо, – ненависть нам не товарищ. Мы не должны опускаться до их уровня. Вспомни наставления матери.

Кассандра помнила все до мельчайших деталей. Но боль обжигала ее сердце, заставляя ненависть держать над девушкой власть. Уметь прощать – значит быть лучше того, кто наносил тебе раны обиды. Это так тяжело!

– Не время впадать в омут печали. Надо упрятать монстра в гробницу и наложить заклятие, которое, возможно, отнимет у нас жизни. Это наше предназначение, – вымолвила стальным голосом ведьма с красной лентой и покосилась на своих сестер. – Кассандра?.. Мирабель?..

Они тяжело вздохнули и выпрямили плечи. Долг зовет их. И когда-нибудь будущее поколение скажет им «спасибо» за их дело.

– Элиза, – позвала сестру Мирабель, шагнув к ней ближе, – а что делать с...

Не успела ведьма договорить, как ее перебила девушка с грозными желто-кариыми глазами, тон ее был холоден:

– Его выбор нам известен. Он уедет, и мы никогда его

не увидим. Если же это чудовище решит нам отомстить, мы убьем его.

Изложив Мирабель свои мысли, Элиза, придерживая платье, зашагала к каменной статуе, которая походила на скульптуру талантливого мастера. Однако если бы вы знали, кем являлась эта «скульптура», говорили бы тогда то, что говорите сейчас? Одним жестом три ведьмы оставили холм пустовать, и вновь воцарилась тишина. Над холмом светила серебристая луна, в бледных лучах которой мерцали капельки росы на траве; тени от деревьев больше не казались потайными дверями в другой мир, а люди больше не видели в этой ночи ничего странного. Зло Салли Хилл впало в спячку, но надолго ли?

Сила в тебе

Точка отсчёта моей сверхъестественной жизни началась меньше двух месяцев назад. И если бы я знала, что весь мир хранит в себе столько тайн и загадок, я не стала бы влезать в неприятности. Каждое действие влечёт за собой последствия. Последствия влекут за собой боль. Боль ломает человека.

Возможно, в мире есть и что-то светлое, но мне не повезло столкнуться с добром. На моём пути одно зло. И даже пусть я сражаюсь, чтобы спасти человеческие жизни, я всё равно остаюсь ведьмой. Светлая или тёмная – неважно. Факт остаётся фактом.

Конец января. Снег и не думает таять, он и не красивый, и не волшебный, не хрустящий под ногами, но зато он лишний. Все его не хотят. Наверное, ему обидно слышать проклятия в свою сторону, он, возможно, даже плачет глубокой ночью, но никто об этом никогда не узнает. Я бы могла это исправить, однако бабушка запрещает вмешиваться в дела природы и нарушать равновесие. Она говорит – нечего совать свой нос туда, куда тебя не просят. Я с ней полностью солидарна. Иногда.

Тихонько закрываю за собой дверь, придерживая в руках рюкзак и тёплую оранжевую толстовку, которую я не успела надеть поверх кофты. Шорохи на кухне доказывают, что

родители ещё дома, а значит мне нужно зайти к ним и сообщить об уходе. Именно так я и поступаю.

Папа как обычно сидит на своём месте, листая утреннюю газету с последними новостями, и уплетает яичницу. Щетина на подбородке необычно старит его аж на пять лет, но, думаю, это поправимо. Ему просто нужно побриться. Секунда – и перед глазами всплывает картинка, на которой изображён Эдди Чакер, сидящий за этим столом в отцовских вещах. Вторая секунда – картинка рассыпалась подобно песку.

– О, ты уже готова, – привела меня в чувство мама, вытирая руки кухонным полотенцем.

Она выключила кран и перекинула полотенце через плечо, безмятежно улыбаясь. Забавно, прошло не так много времени, а она уже светится от счастья, словно ей и не пришлось столкнуться с самоубийством клиента. Подозреваю, что бабушкины настойки трав оказали на маму какое-то влияние. Ха, а как же это её «не нарушать равновесие»?

– Сегодня решила встать пораньше, – объяснилась я, хлопая сонными глазами.

– Хорошо. Папа тебя отвезёт, – мама повернулась лицом к нему. – Да, Джерри?

Такое ощущение, будто она давит на него. Мужчина отвлёкся от чтения газеты и, дожёвывая кусок яичницы, поглядел сперва на меня, а затем на маму. Это выглядит странно.

– Конечно, – отозвался он.

Кажется, я всё поняла. На моём лице проскальзывает тень

улыбки, и я немедленно выпрямляюсь.

– Спасибо, но мы с Биллом договорились, что он заберёт меня, – я решила подстебнуть родителей тем, что их тревожит.

Они, конечно, рады, что я наконец-то нашла себе компанию друзей и даже больше, однако факт, что мы с Хофером являемся не обычными приятелями, их настораживает. Это нормально. Любые родители станут переживать за своих детей, даже если им стукнет тридцатник. А тем более такой сложный человек, как мама, которая любит контролировать всех и вся, обязательно будет переживать. Чёрт, им не угодишь. Бегала за оборотнем – плохая дочь, встречаюсь с парнем – плохая дочь. Да уж, они правда не в курсе, что Билл тоже оборотень. Смешно.

– Билл... – и не спросила, и не сказала мама. Из её уст имя брюнета прозвучало подобно самому огромному разочарованию в её жизни. Мне захотелось смеяться.

Пользуясь моментом, бросаю рюкзак на пол и надеваю толстовку поверх кофты, поправляя наэлектризованные красные пряди, которые прилично отросли.

– Что ж, раз уже договорились, то ладно... можешь идти, – чавкнул папа, пожав плечами.

В отличие от мамы, он менее остро принимает место Хофера в моей жизни. Хватаюсь рукой за свою сумку.

– Тогда до вечера, – улыбнувшись пообещала я и зашагала вон из кухни. Знаю, что мама сперва дождётся моего ухода,

а уже потом станет возмущаться. Так всегда.

Но я обманула. Ни с кем я ни о чём не договаривалась. И теперь мне придётся отмораживать свою задницу из-за дурацкой шутки.

* * *

Старшая школа Салли Хилл, стены которой когда-то были для меня чужими и опасными, сейчас является одним из тех мест, куда я прихожу, чтобы развеяться. Конечно, уроки географии даются мне с трудом, но не потому, что я слаба в предмете, а потому, что миссис Джуд все ещё относится ко мне, скажем так, нехорошо. Моя фамилия из уст учительницы звучала как болезнь, и это замечала не только я одна. Мы друг друга не перевариваем.

Впрочем, всё-таки кое-что меняется. Отношение людей ко мне. Мне не даёт покоя мысль, что заслуга в этом Билла, но ученики вправду перестали цепляться ко мне, шутить, дразнить и поливать грязью. Хотя Урия Хофман остаётся собой, а её неприязнь в свою сторону я уже приняла как должное – стоит молчать о том, как Билл расставил всё по полочкам. Возможно, сердце «ледяной» дамы и злючки школы было разбито, но мне её нисколько не жаль. Она это заслужила.

Я захлопнула железную дверцу шкафчика и хотела было уже отправиться в кабинет химии, как чья-то рука крепко прижала меня спиной прямо к стенке. От неожиданности я пугаюсь, но, заметив перед собой знакомый пиджак с ини-

циалами, сразу расплываюсь в улыбке, облегчённо выдохнув воздух из лёгких.

– Назови хотя бы одну вескую причину, из-за которой ты не отвечала на мои сообщения? – серьёзно произнёс брюнет, с вызовом смотря мне прямо в глаза.

За тот промежуток времени, как он стал сумеречным существом, многое в нём изменилось. Например, телосложение (мышцы и мускулы – это, конечно, круто, но гораздо лучше иметь парня-атлета не из-за того, что он оборотень), сила и даже цвет глаз – теперь они у него золотисто-карие.

Я вспомнила, что отключила звук мобильного, и виновато прикусила нижнюю губу. Полагаю, Хоферу это не понравится.

– Для начала привет, – хмыкнула я, отталкивая от себя Билла, тело которого нависло надо мной подобно скале.

– Привет, – улыбнулся он во все зубы, явно посмеиваясь над моей репликой.

Я знаю, Хофера забавлял мой серьёзный вид и властный тон, но я ему не подыгрывала. Никогда.

– Я не отвечала, потому что не слышала звук уведомления.

Парень склонился локтем на одну из дверей шкафчиков и нахмурил тёмные брови, изображая не то осуждение, не то интерес к моим словам. Ха, а я-то предполагала, что он начнёт отчитывать меня за мою невнимательность.

– Окей, – выдохнул он, расплываясь в хитрой улыбке. – В

следующий раз приеду к твоему окну и буду кричать в мегафон. Тогда ты, надеюсь, меня услышишь.

– Я вызову полицию и попрошу шерифа задержать тебя, – сама не понимаю: шутка это или предупреждение.

До звонка на урок осталось минуты три, но ни меня, ни Хофера это не колышет. Мы стоим именно так, как это бывает в романтических фильмах. Не скажу, что всегда мечтала о школьной любви с красавчиком, но такому подарку судьбы я очень рада. Билл поправил свою чёлку набок и фыркнул в своей манере:

– Сдашь своего же парня?

– Лучше это сделаю я, чем мои родители. Ты же знаешь, они скептически относятся к нашим отношениям. По крайней мере, мама. Папа же просто ей поддакивает, – объяснила ситуацию я, пожав плечами. Данная тема разговора портила мне настроение. Обидно, очень обидно. Впервые в жизни мне кто-то да понравился, а родители настроены вовсе не дружелюбно. Возможно, они смотрят в будущее, ибо впереди колледж, переезд, но я живу сегодняшним днём. И сегодня, сейчас, в эту минуту рядом со мной Билл. Пусть ничего не меняется. Мы прошли через многое, такое нельзя забыть.

– Не переживай, Марго. Я включу своё обаяние, и твоя мама просто потеряет голову. Кстати, как поживает мой подарок? Миссис Ван де Шмидт в восторге?

Рождество Билл отмечал ещё и с моей семьей. Это было очень... весело. Конечно же Хофер хотел произвести наи-

лучшее впечатление на родителей, поэтому и подарил коллекцию антикварной посуды моей маме, а отцу копию бейсбольной перчатки Джеки Робинсона¹. Безусловно, отец был в восторге, помимо этого он ещё и похлопал Билла по спине три раза – жест «Ты любимчик». Так что с папой все гораздо легче, чем с мамой.

– Я могу соврать и сказать, что она каждый день протирает пылинки и любит фарфор, но... Она спрятала набор далеко в шкаф, наверное, чтобы, упаси Господь, не разбить одну из тарелок.

Хофер хмыкнул, как бы говоря «сделаю вид, будто твоё предположение верное».

Ученики вокруг нас принялись разбегаться по кабинетам – значит, прозвенел звонок.

– Ты сегодня обратишься?.. – понизила голос я, опасаясь непонятно чего.

А вдруг кто-то услышит? Нужно всегда быть осторожной.

– Разомнись, проверю окрестности. Слышала? Пропала девушка, её разыскивают примерно месяц.

Смягчаю взгляд, касаясь его бледной щеки. Мне так нравится то, что сейчас происходит.

– Будь осторожней, – говорю я.

Билл целует меня в висок, шепчет на ухо: «Ночью жди меня в гости» и убегает по коридору, направляясь в корпус В.

---

¹ Джеки Робинсон (Джек Рузвельт Робинсон) – американский бейсбольный игрок, первый афроамериканский участник современной главной лиги.

Провожая его взглядом. Боже, поверить не могу во всё это. Ещё осенью я пыталась отыскать оборотня и отмыть темное пятно со своего имени, а сейчас мне плевать на это, потому что мир стал другим.

В эту секунду я ощущаю покалывание у себя в животе, затем резкую головную боль. Стены ходят по кругу. Ничего не понимая, я уже бегу куда-то вперёд, чувствуя мурашки по всему телу, от которых кожу неприятно покалывает. Слабость... Перед глазами всё плывёт... Секунда – и руки кое-как открывают дверь в женскую уборную. Меня начинает трясти как во время сильного землетрясения, или словно я нахожусь на корабле в момент шторма. Как только мои ноги приводят меня к раковине, из моего рта фонтаном выходит рвота. Рвота кровью. Белоснежные кафель и умывальник с краном, а также зеркало – теперь всё заблёвано кровью, словно кто-то устроил здесь жертвоприношение. Во рту ужасный привкус железа. Я опираюсь руками о бортик раковины и еле-еле поднимаю глаза к запачканному зеркалу, чтобы посмотреть на своё отражение. Нет, это не я. Передо мной мертвец... Я вижу бледную девушку с окровавленным подбородком и растрёпанными волосами. Коленки подкашиваются, но я пытаюсь удержать на ногах собственный вес. Панически оглядываюсь, до сих пор не понимая произошедшего, а после резко открываю кран и умываюсь холодной водой, смывая следы крови с подбородка, потом очищаю стены, зеркало... Такое происходит далеко не первый раз,

и это начинает по-настоящему тревожить меня. Я умираю? Почему я блюю своей же кровью? Что происходит? Однако ответов нет.

Убедившись в том, что больше нигде нет следов багровой жидкости, я снимаю с себя грязную оранжевую толстовку и остаюсь в одной майке. Чёрт побери, мне нельзя показываться в таком виде перед людьми, а особенно перед Биллом и Генри. Они оба слишком любопытные. От безысходности я сжимаю губы и хватаюсь за голову, которая все ещё невероятно болела. К сожалению, мне неизвестно заклинание, способное отмыть пятна с одежды (очень жаль), поэтому быть ведьмой не всегда здорово. Я бы могла телепортироваться домой, переодеться и вновь вернуться назад, но это опасно, поскольку мама может в это мгновение находиться в моей комнате, а рыться в моих вещах – её любимое занятие. Остаётся только один выход – пойти к своему шкафчику, взять форму для игры в баскетбол и надеть кофту, которую я купила на ярмарке за полцены. Ну, по крайней мере спасибо, что по расписанию сегодня есть урок физкультуры.

* * *

Домой мне пришлось возвращаться на автобусе, поскольку Билл уехал по важным семейным делам. О, я могла бы спросить «куда ты», «зачем», «почему», но лезть, так сказать, в душу, не стану. Время придёт – и сам всё расскажет. Когда я попыталась открыть входную дверь ключом, у ме-

ня ничего не получилось, а это означало только одно – мама дома. Именно она и открыла мне дверь, оценивая орлиным взглядом мой внешний вид. По выражению её недоверчивого лица можно судить, что мама боялась застать в дверях и Билла, но на этот раз ей крупно повезло. Не понимаю, почему её так тревожат мои отношения с Хофером?

– Ты одна? – спросила мама, пропуская меня в дом.

Б-р-р! На улице ужасная холодрыга, все пальцы на руках ооченели, и теперь, когда я вошла в дом, они принялись сильно гореть. Я разула первую ногу, затем вторую и поравнялась с женщиной, тяжело вздыхая.

– А ты хотела видеть ещё кого-то? – иронично произнесла я и плавно направилась в сторону своей комнаты, на ходу расстегивая верхнюю одежду.

– Я думала, тебя привезёт Билл, – призналась мама, шествуя за мной по пятам.

Бросаю пальто на диван и разворачиваюсь лицом к женщине, которая явно ждёт моего ответа или какой-нибудь реакции. Но я очень устала. Произошедшее в школьном сортире лишь доказывает мне, что все предыдущие подобные приступы с кровью – это что-то ненормальное. Возможно, какая-то ведьмовская болезнь? В любом случае, мне стоит разобраться с этим, но никому не говорить. Сама. Я все сделаю сама.

– Да, я тоже так думала, но у него появились важные дела, – спустя паузу ответила я, рассеянно хватаясь за свои ве-

щи.

Мама подозрительно прищурила глаза, поправив челку набок:

– Марго, у вас всё в порядке?

Начинается. Ох, где то время, когда она отчитывала меня за побеги в лес?

– Да, мама, всё хорошо.

– Дочка, не надо врать. Я же вижу.

Не понимаю её напора. Говорю правду, а она доказывает своё. От злости я крепко сжала пальто в руке и набрала побольше воздуха в лёгкие.

– Что ты видишь, мама? Разъясни, потому что я тебя не понимаю! – немного громко выпалила я, раскрыв глаза пошире.

Сон как рукой сняло.

– Ну... Мне кажется, у вас с Биллом какие-то проблемы, – она произнесла это с паузами, боясь моей взрывной реакции.

В душе я хохотала, но снаружи стойко сохраняла лицо. Женщина снова взялась за свои психологические сети?

– С чего ты это взяла?

Она скрестила руки на груди:

– Утром ты сказала, что тебя заберёт Билл, но я посмотрела в окно, ты ушла пешком в школу. Это то, о чём я думаю?

Пальцы рук медленно разжались. Ну да, всё как обычно – она не так меня поняла. Хотя, отчасти, я сама во всем виновата. Не надо было лгать. Из безобидной на первый взгляд

шутки – в целую драму. Могла бы и додуматься, что мама способна поглядывать в окошко. Ладно, уже ничего не исправит.

– Нет, это не то, о чём ты подумала. Не бери в голову. И хватит лезть в мои с Биллом отношения. Я же не лезу в твою работу, вот и ты не встревай!

С этими словами я захлопнула дверь своей комнаты и, бросив рюкзак с пальто на пол, быстро подбежала к кровати, которая так и молила свалиться на неё. Состояние отвратительное. Слабость ещё берёт, а во рту до сих пор присутствует послевкусие крови. Какой это по счёту раз? Третий? Четвёртый? Может, это особый переходный возраст у ведьм? Или я просто умираю?..

Размышляя над этим, я провалилась в глубокий сон, в котором мелькало лицо мёртвой Сары, неразборчивые слова Билла и чей-то крик. Темнота окутала меня.

Новости

На следующий день я чувствовала себя лучше – никакой тошноты и упадка сил. Словно ничего не происходило.

После нудного урока французского языка (мама решила, что французский сделает меня начитанней) я вышла во двор школы, где меня терпеливо ожидали Генри и Билл, которые очень странно оглядывались по сторонам, будто обсуждали самый большой секрет на свете. О чем они болтают, слышно не было, но по их мимике и жестам можно судить – это что-то важное. И что они могут скрывать от меня?

Ветер, подобно пощёчине, ударил меня в лицо холодным потоком воздуха, от чего по спине пробежала дрожь. Серые, а кое-где чёрные кучевые тучи, напоминавшие подгоревший тост, лениво плыли по небосводу, и солнце, по которому Салли Хилл успел соскучиться, игриво скрылось за серой завесой облаков. Зима обещает быть долгой и холодной. Я поспешила к друзьям, ускоряя темп ходьбы, а они в свою очередь, заметив меня, мгновенно умолкли. Ну конечно...

– Привет, – прищурилась я, остановившись напротив ребят.

За это время каждый из нас немного изменился: Билл, например, постригся и убрал челку набок, Генри наоборот отрастил шевелюру, которая немного потемнела, и цвет кудрей стал походить на мокрый песок. Я же... во мне измени-

лась лишь длина волос, что отныне доходит почти до лопаток. Понятия не имею, как так быстро они отросли. Возможно, тому причина ведьмовская сила или гормоны, или просто переходный возраст.

Генри шмыгнул красноватым носом и спросил:

– В «Мокко» или «Старый гном»?

Ответ очевиден.

– Вариант «А», – сказал за всех Билл, – сегодня пятница, а по пятницам в «Мокко» подают наивкуснейшие маффины, ради которых и убить не жалко.

Далее мы последовали к школьной парковке, где стояла «малышка» Хофера. Мэр решил сделать сыну хороший подарок на Рождество, поэтому прямо сейчас я направляюсь к серебристому «Хаммеру» размером почти в мою комнату. Щедро, нечего сказать. А мои родители подарили мне абонемент в фитнес-зал. Думаете, это намёк? Я не стала ничего говорить, натянула беспечную улыбку до ушей и пообещала показать фотографии «до» и «после» посещения зала.

Внезапно мои глаза случайно находят на доске объявлений черно-белый лист с изображением какой-то девушки. Ветер прямо-таки срывал бумажки с доски, будто бы хотел привлечь моё внимание. Что ж, ему это удалось. Я немедленно останавливаюсь и меняю своё направление, не обращая внимания на недовольное бурчание парней, которым пришлось тащиться за мной хвостом. Хватаю рукой бумажку и считываю слова: «ВНИМАНИЕ! ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК!

Кэтрин Паркер. 27 лет. Пропала 25.12.18 г и разыскивается по настоящее время. Если у вас есть какая-нибудь информация о месте нахождения Кэтрин – звоните по нижеуказанному номеру». Мне никогда прежде не доводилось сталкиваться с этой бедняжкой. Только я подумала, что вся сверхъестественная чепуха в этом городе закончилась, как снова сюрприз! Да что же это... Может, она уехала куда-нибудь отдохнуть или это нападение маньяка? Почему, Марго, сразу ведьмы или оборотни? Расслабься!

– Её до сих пор не нашли? – прервала свой внутренний голос я, обжигая взглядом лицо незнакомки по имени Кэтрин.

– Нет, – послышался из-за спины ответ Билла, – она как сквозь землю провалилась. В последний раз её видели на работе, в «Салли-Плайс». С тех пор ничего...

Я грустно выдохнула и повернулась лицом к парням, сглатывая горький комок в горле. Не знаю почему, но на душе кошки скребутся. Плохое предчувствие? Не знаю. Видимо, Генри заметил моё колебавшееся от нервов лицо и потому невнятно спросил:

– Марго, с тобой всё хорошо? Ты побледнела.

Хофер сделал шаг ко мне ближе, тем самым оказавшись совсем рядом, от чего наши лица теперь в паре сантиметров друг от друга. Я чувствую его одеколон, который непременно вскружил мне голову своим приятным, но резковатым ароматом.

– Всё нормально, – я легонько поправила рукой прядь во-

лос, – давайте уже двигаться с места, а то все маффины разберут.

Билла как будто ударило током, и он аж отпрыгнул в сторону, энергичного подытожив: «Давайте, давайте, мы не успеем!».

Мы буквально помчались к машине, соревнуясь, кто прибежит первым, и даже не заметили, как резкий поток ветра потянул за собой часть оторванного портрета пропавшей без вести Кэтрин далеко в небо...

* * *

Генри странно себя ведёт.

Его непонятное поведение началось неделю назад: он резко изменился, стал более холодно отвечать на вопросы, чем прежде. Такое впечатление, будто блондин специально отдаляется от нас с Биллом. Причина никому неизвестна. Я, конечно, с лёгкостью могу выпытать у него ответы, но бабушка категорически запрещает использовать магию, если того не требуют важные обстоятельства. Она небось думает, что Сара-Салли-Бирди восстанет из мертвых. Хотя, я уже ни в чем не уверена.

Пока Ридл допивает свой зелёный чай, а Билл с неподдельным аппетитом уплетает шоколадный маффин, я отстранённо смотрю в окно. Нет, даже не в окно, а куда-то сквозь стекло, сквозь деревья, трассу и магазины. Перед глазами все расплылось и превратилось в серый туман. Я вспо-

минала прошлое: те деньки, когда мы с мамой и папой часто заходили в «Мокко», чтобы отведать наивкуснейшее мороженое с шоколадной стружкой и орешками. Это были далекие времена, когда совсем юная Марго Ван де Шмидт интересовалась мультфильмами про фей и ведьм, но никак не являлась частью всего сверхъестественного. Сообщи мне в прошлом, что скоро я стану частью сумеречного мира, меня бы начало трясти от припадочного смеха. Возможно, я бы даже оклеветала этого человека, как меня когда-то наркоманкой, за такую чушь. Мои мысли обращаются в пыль, когда к нашему столику подходит молодая девушка с длинными темно-рыжими волосами, которые обхвачены слабой резинкой, отчего многие пряди висят на плечах незнакомки, подобно лианам. Она что-то спросила у парней, а затем наступило молчание, и я поняла, что от меня чего-то ждут. Резко оборачиваю голову в противоположную сторону от окна. Когда я повернулась, то увидела перед собой девушку в униформе – это официантка. Видимо, «пропавшей» Саре нашли замену. С одной стороны это так непривычно не видеть улыбчивое лицо давно знакомой девушки, которая всегда поддерживала меня и вела себя приветливо. Однако, все эти добрые жесты были фальшью и частью актерской игры. Так что всё хорошо. Салли Хилл избавился от зла и проклятья.

– Можно унести посуду? – словно из колодца послышался голос рыжеволосой официантки, которая смотрела на меня,

как на отсталую личность. Я понимаю, что меня несколько минут испепеляют взглядом. Пару раз поморгав, делаю убедительный кивок и облокачиваюсь на спинку красного дивана, исписанного надписями и пожеланиями. Девушка ментально начала выполнять свою работу, аккуратно раскладывая пустые чашки на поднос. Краешком глаза замечаю, как Билл достаёт свой бумажник и протягивает официантке зелёную купюру. Та, в свою очередь, поглядела на Хофера, точно на рыцаря в белых доспехах, и одарила его ослепительной улыбкой, которая прямо так и говорила: «Красавчик, ты давно мне нравился, а сейчас вообще!». Мне это не по душе, но я ничего не буркнула, ибо демонстрировать свою ревность вовсе нет желания. Дело в том, что к Биллу подкатывают чуть ли не каждый день, и я должна, наверное, к этому привыкнуть и в конце концов смириться, а вот ко мне... Ко мне парни подходят, чтобы спросить «где здесь уборная?», «извините, передайте за проезд», «девочка, у тебя испачкалась юбка». Меня просто раздражает, что все флиртуют с Хофером у меня на глазах, да и за спиной, а я никого не привлекаю! Что не так? Красные волосы не в моде? Бледная кожа – это мерзость?! Хотя нет, чушь редкостная. Ревность – это частая форма выражения своих чувств. Своим ревнивым поведением я объясняю, что этот человек принадлежит только мне. И да, я хочу, чтобы Билл меня заревновал!

Глаза сами нашли эту рыжеволосую официантку, которая уже убиралась за другим столом, и лазером прожгли её спи-

ну. Брюнет глубоко вздохнул, и, повторив за мной, лёг на спинку дивана, приобняв меня одной рукой. В эту секунду я всем сердцем захотела, чтобы та официантка заметила жест Билла. Расплывчато улыбаюсь.

– Марго, одолжишь мне конспекты по испанскому? Я пропустил пару тем, – обратился с просьбой Генри, вальсируя зубочисткой во рту.

Пытаюсь вспомнить, когда блондин пропускал занятия. Не получается. Значит, прогулов не было.

– Но ты присутствовал на всех уроках, – сказала я и шлёпнула Билла по руке, когда тот начал позволять себе большее, например, легонько поглаживать мою шею. Если я скажу, что мне это не понравилось – нагло совру. Игривую улыбку сдержать не удалось, поэтому уголки рта дошли до ушей. Боковым зрением замечаю довольную ухмылку Хофера. Вот негодяй.

– Но это не значит, что я делал записи. Я спал.

В «Мокко» зашли ещё пара человек и уселись сзади нас с Биллом, болтая о каких-то играх.

– Ладно, одолжу, но ненадолго. Мне и самой они нужны, – ответила я, окончательно убрав тяжёлую руку брюнета со своего плеча; он лишь рассмеялся, располагаясь поудобнее. Господи, пусть время остановится, пожалуйста. Не хочу, чтобы это заканчивалось. Долгое время мы сидим в кафешке и обсуждаем обычные подростковые вещи, мы не говорим о монстрах, не пытаемся спасти мир от лап зла. В это

мгновение я – не ведьма, а Билл – не оборотень. Разве это не прекрасно?

– Сегодня ночью я нашёл кое-что в лесу, – внезапно заговорил Хофер, загадочно понизив тон голоса и перекинув ногу на ногу.

Очевидно, мы думаем о разных вещах. Генри нахмурил песочного цвета брови и положил локти на стол.

– Что-то странное?.. – с непонятной интонацией проговорил Ридл: в его голосе звучал интерес, страх и радость?..

Замолкаю, решаясь не вмешиваться в этот разговор. На самом деле, мне очень надоели приключения. «Долой экшн! Долой кровь!» – вот вам мой лозунг на ближайшее столетие.

– Ну, как сказать... На деревьях отпечатаны следы когтей, довольно глубокие. И много сломанных веток.

– Где это?

Оборотень прищурил глаза, стараясь вспомнить местность. Наконец, его лоб разгладился.

– Неподалёку отсюда, рядом с заброшенной заправкой.

Спрятав за ухо прядь волос, я склонила голову набок и закатила глаза:

– Может, это просто рысь? Почему сразу, не знаю, зомби или гусеница-мутант?

Парни прыснули от смеха.

– А ты смешная, когда хочешь, – произнёс брюнет, подмигнув левым глазом, – гусеница-мутант... Клёвое воображение!

Есть одна вещь, которую я заметила уже давно. Наблюдение – штука хорошая. Биллу Хоферу нравится то, куда он попал: ему по душе опасные игры, приключения, ему нравится быть сумеречным существом, ему нравится разгадывать загадки. Он довольствуется этим, не осознавая всю серьёзность положения. Возможно, он просто пересмотрел или перечитал много фэнтези, но и это совсем не оправдание. Я пытаюсь его понять, однако, оправдывать жажду приключений не собираюсь. Мне это не нравится. Видимо, Генри поддерживает пыл оборотня, ибо его глаза пылают искрами, от которых нормальный человек стал бы держаться на расстоянии. Ох, чувствую, найдут себе проблем на голову.

– Думаешь, в Салли Хилл снова начались беспорядки? – выгнул одну бровь Ридл, привлекая к себе внимание брюнета.

– Чёрт его знает. Не хочешь пойти и выяснить?

Они с вызовом смотрят друг на друга, медленно утопая в лисьих улыбках. Эти двое точно спятили. Парни переводят выжидающий взгляд в мою сторону, и я поднимаю руки вверх, показывая свою незаинтересованность в этом деле.

– Я пас. Мне нужно ещё дописать лабораторные по трём предметам, – на одном дыхании выпалила я, облизав нижнюю губу.

Тишина. Обменявшись коротким взглядом с белобрысым, Билл смиренно кивнул. У него и не было другого выхода, как смириться. Это я тут обладаю волшебными си-

лами, а не он.

— Тогда я отвезу тебя домой, и мы сразу же поедem в лес, — осведомил парень, немедленно добавив, — завтра с подробностями все расскажем, обещаю.

Мне это не так интересно, как вам:

— Договорились, но будьте осторожней.

— Разумеется, — Хофер улыбнулся краешком полноватых губ, и мои плечи расслабились.

* * *

Отчего-то мне казалось, что дом наш быстро постарел: наверное, тому виной поблекшие и местами потрескавшиеся стены или сухие, мертвые растения рядом с крыльцом, которые посадила для красоты мама. Снег их безжалостно уничтожил. В этом есть какая-то ирония, не находите? Смерть. Повсюду смерть. Она летает над нашим городом подобно падальщику-стервятнику, ожидая час сладкого перекуса.

На этот раз папа был дома; этакий вывод я заключила, когда увидела, припаркованную у очищенного от снега бордюра, машину. По всему дому витал запах прожарки. Это объяснялось тем, что мама собирается готовить мясо с грибами или пирожки с грибами, ну, все, что угодно, связанное именно с грибами. Так как сегодня пятница (наконец-то!), я могла спокойно бросить все свои вещи на паркет и забежать в кухню, чтобы, как партизан на важном задании, выяснить, когда будет готов ужин. Возможно, если мне повезёт, ужин

только меня и дожидается, и я забегу на кухню, застав перед собой целую поляну вкусностей. Да, я бы точно так поступила, если бы не одно «но». На комод, на котором уверенно стоит наш телевизор, лежит груда почты. Всё бы ничего, только мне вот должна была придти посылка с долгожданными дисками двух альбомов моей любимой группы, которые недавно выпустили пару хитов, завладев сердцами ещё сотни тысяч человек. Но, к сожалению, диск не прибыл. Только счета, счета, реклама, счета и... что это ещё такое? Мои руки держат пурпурного цвета бумагу, на ощупь напоминавшую бархат. Это письмо. Несколько раз вращаю в ладонях конверт, раздумывая, стоит ли открывать его сейчас или же дождаться разрешения родителей? Затем мои зрачки расширяются, когда отблески «золотых» букв ослепляют глаза. Красивым, элегантным шрифтом с уклоном вправо напечатано: *«Для семьи Ван де Шмидт»*. Вау, такие письма точно были актуальны в XVIII веке, когда аристократы приглашали друг друга на праздничный приём. Сейчас же такой трюк используется для приглашений на свадьбу, возможно, дни рождения или другие не менее важные мероприятия. Я не знаю, сколько точно прошло времени с тех пор, как я держу этот пурпурный конверт в своих руках, изучая его и сканируя, но перед глазами неожиданно потемнело, и весь мир перестал существовать. Всего на миг. Этого хватило, чтобы ощутить в душе пустоту и холод. Я легонько поднесла конверт к лицу, прислушиваясь к необъяснимому запаху, который дари-

ла бумага: что-то среднее между полыньёй и чайной розой. От этого аромата сразу ощущается дискомфорт.

– Марго! – неожиданно раздался голос мамы за спиной, и я в ужасе подпрыгнула на месте, тихонько выругавшись под нос.

Сию секунду разворачиваюсь лицом к матери, всё ещё сжимая в руке бархатное письмо со специфическим запахом и смотрю на неё, как на призрака или пробудившегося из мертвых человека. Очевидно, мама поняла, что ей удалось напугать меня и застать врасплох, потому она прочистила горло и чуть тише сказала, одновременно изучая мою побледневшую физиономию:

– Ты что, оглохла? Я уже язык сломала звать тебя. Ты чего здесь стоишь?

Сердце в грудной клетке перестало барабанить и уже тихонько постукивало внутри, умоляя о минутке покоя. Во рту пересохло. Поправив упавшие на лицо локоны за плечо, я вновь устремляю взгляд на конверт в руках, после снова на озадаченное лицо женщины, которая нетерпеливо захлопала ресницами. Её челка убрана заколкой вверх, и мне удаётся разглядеть складки на её лбу от нахмуренных чёрных бровей.

– Что это у тебя? – кивнула на мои ладони она, решив взять инициативу в свои руки. Я протягиваю ей письмо.

– «Семье Ван де Шмидт»... – прочитала мама надпись, а затем зашагала на кухню, громко окликая имя отца.

Конечно она станет делиться этим с папой. Это логично и вроде правильно? Мне тоже не терпится узнать, что хранится внутри, поскорее прочесть слова, составленные в предложения. Потому я поплелась следом за мамой, по пути привыкая к запаху грибов, кажется, шампиньонов. Папа сидит на своём обычном месте и оживлённо уплетает жареную картошку, нанизывая на вилку скользкий гриб.

– Привет, милая, как дела в школе? – улыбнулся отец, всасывая подобно пылесосу тушеную пищу.

Меня очень позабавило то, как он ест. У папы присутствует в характере черта – вечное дитя, и его это ничуть не портит, отнюдь, придаёт какой-то шарм. Ответив ему «все отлично», наш короткий диалог завершился.

– Джерри, нам пришло какое-то приглашение, – повертела рукой, в которой находилось письмо, мама, явно радуясь переменам в жизни. Однако, в глазах отца не было видно никакого энтузиазма и весёлых искр. Я отодвинула стул и присела на него, удовлетворённая тем, что стол забит едой.

– От кого? – смутился папа, забыв о картошке с шампиньонами.

– Сейчас и узнаем, – мама повторила моё движение и понюхала бархатную бумагу, от чего её брови взлетели вверх, – м-м, вкусно пахнет!

Что? В каком месте? От этого запаха меня чуть ли не стошнило. Мама с осторожностью раскрыла пурпурный конверт и достала аккуратно сложенную белую бумагу, развора-

чивая её во весь рост. Кажется, мы с папой даже вспотели от ожидания. Наконец, женщина, откашлявшись, принялась вслух читать написанное на бумаге:

– «Дорогие Джерри, Мередит и Марго Ван де Шмидты, мы будем рады видеть вас на нашем торжественном вечере по случаю возвращения в Салли Хилл. Мы ждём вас в загородной усадьбе Крамеров и надеемся познакомиться с вами поближе. С уважением, Николас, Феникс и Скай Олсоны.

Дресс-код для обворожительных дам – нарядные красные платья, а для мужчин – белые смокинги. Ждём вас в субботу 8:00 p.m».

Мама закончила читать и подняла свои восторженные глаза в первую очередь на папу. Пока они мерились взглядом, я терялась в лесу вопросов: кто это вообще такие? Когда они переехали? Кто приглашён ещё? Я выхватила белый лист бумаги из рук мамы и принялась повторно перечитывать письмо, не углубляясь в разговор родителей. Текст, как и на конверте, красивый, с наклоном направо, золотые чернила. Внутри все сжалось. В любом случае, я бы не прочь поглядеть на новых жителей Салли Хилл. Мне нужно проверить чисты ли наши гости, или у них есть причина поселиться в глуши Массачусетса?

– ...У тебя есть отличный костюм, я его купила прошлой весной, – донёсся до моих ушей писк мамы, которая склонилась надо мной, упёрто глядя на человека, сидящего на другом конце стола.

Отец тяжело вздохнул и с нескрываемой ненавистью посмотрел на письмо от семейства Олсон.

– Мередит... – начал было он, но его поспешно перебили.

– Джерри! У нас новые люди в городе, неприлично отказываться от приглашения. Мы должны быть гостеприимней.

– К нам чуть ли не каждый день кто-то да приезжает, может, и к ним наведемся, а? Как тебе идея, дорогая? – пылко и иронично заметил папа, энергично шевеля рукой, демонстрируя свою нервозность.

Я решила не лезть в их спор. Лучше побыть наблюдателем.

– Прекрати паясничать, ты же прекрасно понимаешь, что мы должны пойти.

– Должны... никому мы ничего не должны, – бурчит папа, покидая стол и второпях протирая салфеткой свой подбородок. Он проходит мимо мамы, продолжая недовольно бубнить под нос, в то время как мама, слегка улыбаясь, отмечает в уме свою победу.

– Думаю, пришло время для шопинга? – поглядела я на женщину исподлобья, и она улыбнулась ещё шире, принимаясь за мытьё посуды.

Интересно, знает ли о новых поселенцах Билл? А Генри? Хотя, стоит отметить, что эта семья возвращается в Салли Хилл, но я никогда не слышала этой фамилии прежде. Это только подстегивает моё любопытство. Завтрашний вечер сулит много интересного.

Вечер нарциссов

Багровая жидкость медленно растекалась по кафелю и заполняла неглубокие промежутки между мозаичными плитами. Цвет темнее обычной крови и не такой густой, а совсем наоборот, почти желеобразный. Я потеряла счёт времени, изучая красную жижу перед собой, которая успела приблизиться к моей босой ноге. Коснувшись моей стопы, кровь остановила свой путь и соединилась с моей кожей, как бы обнимая её. В голове только один вопрос: почему это происходит?

Кладу руку на потный лоб, медленно и вяло взъерошивая волосы ладонью, доходя до затылка и обратно. Прodelываю это несколько раз, словно это действие способно что-то изменить. Я не обращаю внимание на привкус железа во рту, хотя порой меня начинает вновь подташнивать от остатков жидкости в полости рта. Кровь стекает по моему подбородку и капли её безвозвратно падают на кафель, образуя красные кляксы на полу. Ноги судорожно дрожат, поэтому я и решила присесть на бортик ванны. Ничего не понимаю. Нигде: ни в книге ведьм, ни в старой бабушкиной коробочке с записями не говорится о рвоте кровью. Где искать ответы, если по сути нас, ведьм со странными болячками, не существует? Головокружение потихоньку проходило, стены перестали бродить кругами. Чёрт, теперь надо мыть полы,

пока мама не начала свой допрос, как полицейский-высочка, мечтающий попасть на доску почёта. Только хочу встать с края ванны, как в кармане слегка испачканных брюк зазвонил мобильник. Спустя время преподношу телефон к уху, громко выдыхая в трубку:

– Привет.

Какой-то резкий шум, а затем грохот, как от захлопнувшейся двери, и тишина.

– Как и обещал – подробности, – громко сказал Билл, отрывисто дыша в сотовый. Он явно находится в движении.

– Где ты? – прижимаю телефон щекой к правому плечу, аккуратно поднимаясь на ватные ноги.

Где же половая тряпка? Тряпка, тряпка... А, вот она! Хватаюсь за неё двумя руками, не жалея свои ногти, затем открываю кран тёплой воды, мою свой подбородок и после замачиваю тряпку.

– В спортзале, у себя в комнате, – с отдышкой спустя паузу отвечает Хофер.

Ого! *Собственный* тренажёрный зал в *собственном* доме? Это круто.

– Твой отец тебя слишком любит, – усмехнулась я, ненароком представив картину, в которой я отчитываю Томаса Хофера за баловство Билла.

Тряпка со смычным шумом шлёпается на кафель и в следующую секунду начинает впитывать в себя багровую жижу, которая размазывается по полу ещё пуще. Плавными дви-

жениями я начала убирать следы «преступления», время от времени выжимая сперва насыщенно красную, позже бледно-алую воду в ванну, наблюдая за тем, как жидкость пропадает в сливе.

– Да, я знаю, разве это плохо? – вернул меня в реальность голос Хофера на другом конце линии. Я позволила себе минутку передохнуть, прежде чем прополоснуть кафель моющим средством.

– Нет... просто надо знать меру. Не удивлюсь, если завтра ты попросишь у него собственный остров где-нибудь в Майами, и он конечно же тебе не откажет.

Билл рассмеялся в трубку, а затем до ушей дошёл писк какого-то прибора. Кажется, это писк принадлежал беговой дорожке.

– Ну во-первых, мне не нужен остров, а во-вторых, мы оба знаем меру. Тебе не кажется, что ты сделала огромный прыжок от простой беговой дорожки до острова?

Всё-таки беговая дорожка. Прямо в яблочко.

– Возможно, я чуточку перегнула палку. Но только чуточку.

Снова звонкий смех, который заполнял мою пустую оболочку счастьем. Такое ощущение, будто некоторое время назад я не блевала кровью и чуть было не проваливалась в вечный сон. Когда рядом Билл, все проблемы мигом улетучиваются. Это превосходное, вдохновляющее чувство. Люди – это панацея друг для друга. Эликсир смысла жизни и любви.

– Так вот, я же хотел рассказать о нашей с Генри находке, – внезапно вспомнил Билл, откашливаясь, – детка, ты ошиблась – это была не рысь. Помимо глубоких царапин на стволах деревьев, мы нашли босой отпечаток человеческой стопы.

У меня дежавю. Пару месяцев назад отрешенная от всего мира девушка бродила по лесу в поисках зацепок, пока однажды не наткнулась на огромный след оборотня. С того дня все началось и продолжается по сей день. Испытав какую-то странную печаль и хандру, я быстро пришла в себя и встрепенулась, вспомнив о тряпке и грязном кафеле.

– Какие мысли? – сухой, растерянный голос подобно удару в солнечное сплетение застал меня врасплох. Неужели это нотки неуверенности? Нехорошо.

– Без понятия.

Собравшись с силами, я решила рискнуть и задать терзающий меня вопрос:

– Билл, ты точно контролируешь себя во время обращения?..

Тишина. Кажется, весь мир под куполом, а я одна осталась за его пределами. Мне тоже больно от таких мыслей, но мы прекрасно знаем, что в этом мире может быть все.

– Не понял... Ты сейчас намекаешь, что это я все устроил? – вспламенился Билл.

И хоть я его сейчас и не вижу, но перед глазами невольно всплыло хмурое лицо брюнета: расширенные глубокие зрач-

ки, перекошенный от злости рот, уголки которого опущены к подбородку, тёмные идеальные брови опустились в глазам, демонстрируя все негодование парня. Он смотрит на меня, как на Иуду, и, наверное, он прав. От щёк отлила кровь, и всеми клетками тела я ощутила изнеможение.

– Не ты, а волк, живущий в тебе, – поправилась я, виновато прикусив губу.

– Марго, ты издеваешься?

Глубокий вдох. Один. Два. Три. Три. Два. Один.

– Нет...

– Ещё скажи, что это я похитил ту девушку и грызу её кости на завтрак! – рывкает в трубку Хофер, грубо выругавшись.

Сама того не замечая, я брожу по ванной комнате туда-сюда, хватаясь за любой предмет и нервно поддёргивая его в руке.

– Не утрируй, пожалуйста.

– Я не утрирую, а озвучиваю твои мысли вслух, Марго. Не знаю, что ты там обо мне думаешь, но я не убийца и не монстр! И я отлично контролирую себя в волчьей шкуре.

Боже, что происходит между нами? Облокачиваюсь спиной к стене и закрываю глаза, в уме проклиная свой идиотский язык.

– Я уверена в тебе. Прости, – еле слышно сказала я, облизывая сухие губы, на которых все ещё остался вкус крови.

– Зато я теперь не уверен в тебе. Ты усомнилась во мне,

хотя я ни разу не давал повода. — молчание. — Ладно, мне пора. Увидимся.

— Нет, Билл, постой... — но не успеваю я договорить, как он бросает трубку.

Чёрт! Чёрт! Только драмы мне не хватало. Я теряю равновесие и медленно скатываюсь вниз по стенке, пытаюсь сдерживать эмоции, которые в это мгновение захлестнули меня. Понятия не имею, как это вышло, но кран в ванной прорвало, и в следующую секунду мощным напором вода брызгала во все стороны, образуя небольшие лужицы. Да здравствует чёрная полоса в моей жизни.

* * *

Небо усыпано миллиардами крошечных алмазов, количество которых почти уступает короне властной царицы с такими же волшебными камнями; эти алмазы сияют так ярко, что остальные звезды, находящиеся, наверное, даже в другой галактике, издают блеклое сияние и невольно завидуют остальным звёздам. Подобно ковру растянулся чёрный небосвод со светящимися точками. Однако этой великолепной картине нужно добавить ещё один штрих — луну. Её нигде не видно, она прячется за рощами, игриво хлопая ресницами и кокетливо сверкая глазками. Никто не станет играть в её игру, и скоро луна это поймёт, после чего сразу же покажется.

Дорога занимает двадцать минут езды, но такое ощущение, что мы в движении вечность. Фары папиной машины

освещают нам путь, разрывая бездонную темноту и её обитателей. В темноте живут страхи. Когда наступает их время, они тихонько подкрадываются и заставляют людей страдать. Самая сочная жертва – маленькие детишки, наивные и мнительные. Такой когда-то была я. Но сейчас всё изменилось.

Машина плавно поворачивает направо, и пассажиры, включая отца, наклоняются в сторону. В салоне играет группа «Queen»², и все, по крайней мере так кажется, слушают песню. Но неожиданно мама заметила изменения...

– Господи, здесь собрался весь город? – удивлённо обратилась непонятно к кому она, приложив ладонь к окну, на что папа сделал ей замечание.

Что может быть хуже грязных окон машины? Для отца это трагедия всех трагедий. Я повернула голову, присматриваясь к пейзажу пристальной. После того, как глаза привыкли к темноте, я сумела разглядеть множество машин, сменяющих друг друга. Они припаркованы на обочине дороги и смиренно ждут своих хозяев. Мда, народу будет хоть отбавляй...

– О, машина Ронолдов! Давненько я не виделась с Мартой, – продолжает рассуждать вслух мама.

Я её не слушала. И папа тоже. Вскоре, проехав пару ярдов, мы совсем поникли, ибо во дворе поместья или даже не во дворе, а вокруг периметра всего дома стояли вразброс автомобили разных марок: от самых чахлых и устаревших

---

² Британская рок-группа, добившаяся широчайшей известности в середине 1970-х годов, и одна из наиболее успешных групп в истории рок-музыки.

до самых новых и навороченных. Наши рты пооткрывались. Здесь и вправду весь город.

– Превосходно! И где мне теперь припарковаться? – недовольно буркнул папа, меняя скорость тачки и давая газ назад. Но там, к его невезению, уже была машина, водитель которой терпеливо ждал наших действий. Итак, мы в запад-не. Папа негромко выругался и теперь провернул всё совсем иначе: он оставил машину прямо у выезда, наплевав на недовольство гостей. Так поступили и другие водители.

Аккуратно хватаясь за своё платье ниже колен, я выхожу из машины и жду родителей рядом с открытой калиткой дорожного вида. Со стороны можно подумать, будто здесь проводится торжественный приём важных лиц. Даже на улице слышен гвалт и музыка духовного оркестра. Холодный воздух пробирал вплоть до костей, и в своём воображении мне было хорошенько видно, как каждый сантиметр моих косточек покрывался белым налётом под названием мороз. Когда папа наконец проверил сигнализацию своей «крошки», он нежно обнял маму за талию, словно сегодня у них первое свидание, и тот хочет проявить себя с наилучшей стороны, а затем намекнул на то, чтобы я взяла его под руку. Пока мы синхронно, в один шаг, поднимаемся по большой каменной лестнице, я решаюсь оценить наш внешний вид: мама выглядит элегантно в своём бордовом платье с оголенными плечами и вырезом декольте; на её шее красуется дорогое кольцо, подаренное отцом на годовщину свадьбы, а на ушах, подобно

грушам на дереве, висят серьги с крупным вытянутым бриллиантом. Волосы собраны наверх, демонстрируя лебединую шею, и это однозначно хороший приём. Папа сегодня вылитый Джеймс Бонд: дорогой белый костюм (он вовсе не хотел его надевать, однако, мама пригрозила ему всем, чем только могла, и это сработало), шевелюра уложена полубоком, отчего мужчина становится на вид более деловым и солидным. И я, девушка с красными волосами, которая выглядит сегодня необычно и странно, даже для себя. Ну только представьте на минуточку: красные волосы выглажены и напоминают кровавый водопад, на левом виске красуется заколка с тремя камушками, играющих роль «бриллиантов», которые надёжно взяты в плен бронзового щита. Платье с сердцевидным вырезом на груди имеет насыщенный оттенок граната, а лодочки на ступнях неимоверно натирают ноги. Красота требует жертв. Бла, бла, бла...

В больших дверях нас встретил дворецкий, он попросил наше приглашение (благо мы его взяли!) и что-то зачеркнул пером в своём блокноте. Вау, время решило сыграть с нами в злую шутку и вернуть на лет двести в прошлое? Это так всё необычно... Старинная музыка, которую исполняли музыканты давным-давно, она греет душу и наполняет её странным чувством; манера разговора дворецкого: «господин, госпожа», «торжество» и тому подобная ересь. Даже танец! Люди кружатся в вальсе, как на балу принца. Почему мне кажется это смешным?

– Прошу вас, проходите в зал. Мой хозяин ждёт вас, – поторопил нашу семью седой дворецкий, рукой указывая в сторону дома.

Да что там дома, дворца! Родители поблагодарили его, и, восторженно обсуждая сегодняшний вечер, ушли вперёд. Я же пребывала в прострации. Хозяин? Серьёзно?

Наблюдаю за дворецким некоторое время и замечаю одну вещь: он говорит всем одно и то же. Слово в слово. С той же интонацией. Смешно, ей Богу! Он что же, запрограммирован говорить определённое предложение? Теперь мне жутко. Взгляд плавно перемещается от седого старика в винтажном костюме на открывающийся отсюда вид. Потрясающе! Весь лес, а за ним очертания города как на ладони. Людей становится всё больше, каждого из них я начинаю узнавать. Поток ветра пощекотал мои румяные щеки, отчего стало в сто крат холоднее, потому пришлось последовать внутрь этого просторного дома. Шаг за шагом, и музыка словно волной накрывает мой слуховой аппарат, отчего все трясётся и скулит. Передо мной высокие потолки, удерживают которые гигантские колонны греческого типа, мраморный пол под моими туфлями мозаичный, стены украшены фресками и арками, в каждой из которых висят копии картин великих художников, в том числе Пикассо, Да Винчи и Ван Гога. Но вишенка на этом пёстром торте – огромная, как два бульдозера, хрустальная люстра, висящая прямо над всем залом, полным людей. Роскошь этого дома, самих хозяев так и прёт,

и складывается ощущение, будто я в этом сложном механизме ржавая шестеренка. Моя челюсть отвисла, но я успела её быстро подобрать. Да, это прекрасно... Музыка сменилась на более быструю и веселую. Скрипачи энергично и непринуждённо двигают кисти своих рук, отчего смычок создаёт прелестные звуки. Аж сердце замирает.

Ладно, не время расслабляться, нужно найти среди этой толпы Билла и поговорить с ним. Сегодняшний наш разговор вышел...

ужасным. Я правда обвинила его, но не со зла, мне просто тревожно. Когда любишь кого-нибудь, начинаешь бояться потерять этого человека или допустить то, чтобы с ним приключилась какая-то беда. Этого я себе не прощу. Мы чуть ли не потеряли друг друга в подземелье, ничего подобного не должно повториться. Полагаю, раз здесь собрался весь город, то и мэр со своим сыном должны присутствовать на торжестве. Было бы неловко пригласить всех, а мэра оставить в стороне. Мои родители стояли рядом с фуршетным столом, болтая с какой-то женщиной с широкой улыбкой и шляпой на голове. Интересно, пришёл ли сюда Генри? Только подумав об этом, меня кто-то хватает за руку. Тело покрывается мурашками, и я резко оборачиваюсь лицом к человеку. Он любит эффектные появления.

– Слава Богу, ты здесь, – выдохнула с облегчением я, натягивая довольную улыбку.

Теперь мне не так одиноко.

Генри, который явно переборщил с гелем для волос, ехидно приподнял левую бровь и уставился на моё лицо.

– Я думал, этих слов достоин только Билл, – отшутился тот, спрятав одну руку в карман классических штанов.

Закатив глаза, я принялась искать в толпе одну определённую женщину, но здесь столько людей, что голова завертелась подобно американским горкам. Невыносимо! Да ещё вдобавок душно.

– Ты один? – спросила я, нахмутив личико.

– Нет, мама куда-то отошла, – ответил блондин, мигом продолжив, – а вообще, как тебе эти Олсоны? Судя по их хоромам, – тут Генри оглянул все помещения голубыми глазами, – они крупные шишки.

– Мне ещё не повезло с ними познакомиться, но единственное хочу сказать, их семья аристократических кровей. Возможно, кто-то из родственников герцоги или даже в прошлом короли, бароны... Ты заметил, какой у них странный дворецкий?

Ридл лишь пожал плечами. Затем его орлиный взгляд скользнул куда-то сквозь меня и замер. Его алые губы двинулись в легкой усмешке, и я поняла, что он заметил что-то интересное.

– Кстати об аристократической крови. Билл явно не в духе, что мы с тобой не обращаем на него внимания.

После слов белобрысого я автоматически оборачиваюсь всем телом в сторону зала и нахожу на другом конце поме-

щения, около белой колонны пару человек, юношей. И один из них, тот, что самый статный, широкоплечий и высокий, голодным взглядом смотрит на меня. Тут сердце в груди замерло... Мы наладили зрительный контакт и как будто говорим друг с другом, только никто этого не видит. Дай человеку покой, и он к тебе вернётся. Наверное, Хофер ещё не отошёл от сегодняшней стычки. Но выглядел он сногшибательно: элегантный творожного цвета костюм, к которому у левого кармашка пиджака прикреплена роза, ещё более стройнит брюнета, превращая его в прекрасного принца из сказок. Его волосы красиво уложены, острые скулы буквально режут любого человека, засмотревшегося на Хофера. Чёрт возьми, даже на таком расстоянии видно, как сияют инициалы на его рубашке и пиджаке – «В.Н». Я заново влюбилась в него.

– Какие-то проблемы? – в недоумении Генри.

Мне понадобилось пару секунд, чтобы окончательно прийти в себя и перестать пялиться на красавца брюнета, и в конце концов, повернуть шею в сторону друга.

– Нет, всё в полном порядке. Пойдём к нему?

– А ты этого хочешь? – вопрос блондина застал меня врасплох.

Я бросила взгляд на своих родителей, оживлённо беседовавших с кучей людей вокруг фуршетного стола, а затем решила действовать. Оставив Генри без ответа, я направилась прямо к сыну мэра, не реагируя на то, что сейчас кругом полным полно народу, растворившихся в вальсе. Один. Два.

Три. Три. Два. Один. Вот и всё, я уже совсем близко к Биллу.
– Привет, – выдохнула я, испепеляя лицо Хофера подчеркнутыми контуром глазами.

Все уставились на меня. Четыре парня в абсолютно белых и одинаковых костюмах перевели взгляд сперва с bruneta на меня и так по кругу. Наверное, это его друзья со старой школы. Или богатые мальчики из гольф-клуба. Да это могут быть кто угодно. Тем временем, пока мы многозначительно молчали, меня нагнал Ридл, безмятежно свистевший себе под нос. Обстановка накаляется.

– А это что за прелестное создание? – решил прервать молчание какой-то парень с растрёпанными волосами и лёгкой щетиной.

Билл как будто очнулся ото сна и быстро встрепенулся. Только сейчас замечаю в его руках бокал шампанского, пузырьки которого быстро плывут к поверхности.

– Парни, знакомьтесь с Марго и Генри. Ребята, это мои бывшие одноклассники, – прочистил горло Хофер и потупил взгляд.

Падение с небоскреба. Боже, это ведь мне слышалось, да? Поверить не могу. Я прикусила нижнюю губу и злобно нахмурила брови. Просто Марго? Серьёзно, Билл?

– Мадам, – хватает меня за руку тот же парень и наклоняется вниз, смотря на меня исподлобья, – вы очаровательны!

Сперва я хотела выдернуть свою руку и с помощью заклинания облить его шампанским, но потом мне снизошло оза-

рение. Что ж, Билл, эту игру начала не я.

– Благодарю, – кокетливо ответила я, одарив незнакомца самой тёплой улыбкой из всех.

– Вы уже видели виновников сегодняшнего вечера? – перевёл внимание на себя Генри, косо поглядывая на наш треугольник: Билл-Я-Незнакомец.

– Да, они поприветствовали всех и поблагодарили за визит, – отвечает какой-то блондинчик с родинкой на щеке.

– Сейчас Николас и мой отец ведут какую-то беседу на втором этаже, – дополнил Билл, смотря куда угодно, но только не на меня.

Волчья морда! Сам виноват. Не стану просить прощения.

– Ладно, Билл, – вздохнул другой парень и положил на его плечо свою руку. Он был ниже Хофера, потому юноша смотрел на него снизу вверх, – было приятно вновь с тобой повидаться. Ты изменился, в лучшую сторону, конечно, – все улыбнулись, за исключением нас с Генри, – ещё свидимся.

Когда мы остались втроём, стало не по себе. Никто из нас не знал, что говорить. Будто мы не проходили вместе через огонь и воду. И тут всё наше приключение перед глазами. Это ужасно больно быть в ссоре с человеком, который тебе заменяет солнечный свет.

– Может, вы наконец объясните, что между вами двумя происходит? – настаивал Ридл, холодным тоном.

Однако никто ему не ответил. Я думаю, Генри уже надоело задавать вопросы и не получать на них ответы. В то вре-

мя, пока меж нами нарастало напряжение, люди вокруг перестали кружиться в танце и освободили большую часть зала. Заиграла спокойная мелодия, а значит настало время передышки. Поражаюсь быстрому переходу от классической музыки до джаза и блюза, а уже потом к более современной. Такой быстрый переход не позволяет людям пасть духом и расслабиться. Боковым зрением замечаю две фигуры, спускающихся по мраморной лестнице вниз, к нам. Это были Томас Хофер и Николас Олсон, я полагаю. А он ничего: мужчина средних лет, гладкая бородка квадратной формы, тонкие губы и далеко посаженные глаза неясно какого цвета. Они, смеясь, болтают о чём-то и скрываются среди народа, будто это вообще не вечеринка Николаса. При виде него меня посетило странное чувство, от которого внутри всё тянуло. Я нахмурила брови, провожая двух мужчин взглядом, но не подозревая о присутствии третьего лица.

– Ром я не нашёл, но в коллекции отца есть одно прекрасное вино... – донесся до моих ушей чей-то голос за спиной. Оборачиваюсь.

Носитель этого незнакомого мне, но мелодичного и завораживающего душу голоса был молодой человек с чёрными прямыми волосами, отдававшимися на свету люстры синим оттенком; его губы немного припухлые и кроваво-красные, как будто юноша обветрил их... И самое запоминающееся в его облике – глаза – голубовато-зеленые, яркие, почти светящиеся, как неоновая подсветка. Незнакомец одет подобно

другим в белый костюм, но его рукава украшены золотистыми узорами, которые сплетались как куст розы. Парень явно обращался к Хоферу, но, заметив мой изучающий взгляд, ему пришлось обратить своё внимание на мою персону, а после к Ридлу.

– Наконец, я думал, ты заплутал в своём собственном доме, – фыркнул Билл, выхватив из рук незнакомца бутылку вина предположительно XVII века.

Снова это странное чувство. Моя кожа будто плавится, как пластик в огне. Я стиснула зубы от боли и попыталась не демонстрировать своё негодование перед друзьями. Неужели это следующий этап моей странной вспышки болезни? Рвота кровью, теперь горит кожа... Когда, чёрт возьми, кончатся эти мучения?

– Билл, представишь нас? – вернул меня в реальность скорее не вопрос, а требование Генри.

Брюнет оживился и перестал рассматривать бутылку вина.

– О, да, конечно. Ребята, знакомьтесь с новым поселенцем Салли Хилл, это Феникс Олсон. Ник, это Марго, – кивнул он на меня и перевёл взгляд на блондина, – а это Генри.

Ник? С каких это пор только что приехавший парень для Билла Ник? Я недоверчиво поглядела прямо в глаза нового знакомого и сглотнула комок в горле.

– Как мне приятно познакомиться с друзьями Билла Хофера. Его друзья – мои товарищи, – сверкнул глазами Фе-

никс.

– Надеемся, Салли Хилл вам нравится? – поинтересовался Генри, засунув руки в карманы брюк.

– Салли Хилл – это в первую очередь люди, живущие здесь. По местным жителям можно узнать сам город. Именно поэтому мой отец решил организовать данный вечер, – разъяснил Феникс, хватая два бокала шампанского из подноса мимо шагающего официанта. Он любезно протянул бокал с алкоголем мне в руки, а я в свою очередь замерла, как вкопанная.

– Я за здоровый образ жизни, – протараторила я, сложив губы в невидимую полосу. Из-за спины послышался смех Ридла. Наверное, он вспоминал пиццу и «Мокко». От воспоминаний мне и самой стало смешно.

– А я бы не отказался, – потянулся за бокалом блондин, и Феникс кивнул ему.

Заиграла современная композиция какой-то мелодии, и гости быстро нашли себе партнеров для танца, нежно улыбаясь друг другу. Билл завёл какую-то беседу, давая понять, что ни за что не станет со мной танцевать медленный танец. Господи, да это смешно! Не было бы здесь людей, без раздумий бы заморозила его на месте. Теперь он будет дуться до скончания веков.

Приезжий юноша отпил глоток шампанского и вручил свой бокал в руки Хоферу, шагнув ко мне на встречу. Не понимая в чём дело, я лишь окаменела, а мои ноги вросли

в пол.

– Марго, не окажешь честь потанцевать со мной? – игриво и надменно сказал Феникс, наклонившись ко мне совсем близко. Я чувствую запах его парфюма, дурманящего разум.

Искоса поглядела на выражение лица сыночка мэра, он твёрдо смотрит на Феникса, и мне это нравится. Ревность – оружие, которое невозможно контролировать. Сперва на троне ты, а через секунду тебя бросают к свиньям.

– Почему бы и нет? – пожала плечами я, подавая свою ладонь парню.

На удивление его руки нежные и мягкие. Мы проходим в центр зала, где уже плавно парят, как птицы в небе, танцующие, не обращая внимания ни на кого, люди. Ладонь темно-волосого ложится на мою талию, а моя на его левое плечо, другой рукой сплетая наши пальцы. В животе разгорелся пожар, потушить который сможет только один человек, но он не станет этого делать. Раз. Два. Три. И мы уже вальсируем, то и дело опуская глаза в пол. Феникс выше меня почти на одну голову, но Билл все равно его превосходит. Это наблюдение заставляет меня улыбнуться.

– Ты неплохо двигаешься, – говорит с неподдельным удивлением мой партнёр по танцу.

Ну почему ты не Билл?

– В детстве я занималась танцами, потом бросила. Видимо, конечности все ещё помнят пару уроков, – ответила я, бросая короткие взгляды в сторону Хофера и Ридла, но, не

получив желаемой картины, перестала так делать.

Моя кожа вновь загорелась. На этот раз я не удержалась и пискнула. К моему счастью, парень этого не услышал. Или сделал вид.

– Каково это – вернуться домой? – продолжила беседу я, покружившись три раза вокруг собственной оси.

Раз, два, три... Раз, два, три...

– Ну, наша семья здесь никогда не была. Мы переживаем странные ощущения, – начал было отвечать Феникс, как я его бесцеремонно перебила.

– Как это вы здесь никогда не были?

– Мы – нет, наши предки – да. Поводом для возвращения послужили семейные обстоятельства.

Юноша крепко схватил меня за бёдра и в один момент поднял меня над землёй, а затем плавно отпустил, вновь положив руку на талию. Теперь горит всё мое тело, даже кажется, горит моя кровь, которая медленно циркулирует по венам.

– И надолго вы в Салли Хилл? Я имею ввиду, собираетесь здесь задержаться или так, проездом? – скрестим пальцы, в надежде, что я его не обидела своим любопытством.

Тот нахмурил брови и прикусил ярко-красные губы:

– Думаю, мы здесь надолго, – каким-то зачарованным голосом ответил он, – о, а вот и моя сестрица пожаловала, – кивнул Феникс куда-то в сторону.

Я повернула голову налево. Рядом с Генри и Биллом стоя-

ла красивая юная девушка с пшеничными волосами и пышными формами. На ней великолепное роскошное бальное платье, которое носили барышни в средневековые времена, и красные перчатки до локтей. Да, красавица, ничего не скажешь. Она мило болтает с Ридлом, время от времени отпивая глоток напитка.

– Скай, верно? – вспомнила её имя я, обращаясь к Фениксу.

– Верно. Она любит обращать на себя внимание людей, – раскрыл секрет сестры молодой человек, прижимаясь ко мне ближе, – бедный, несчастный Генри...

Не поняв высказывание темноволосого, я резко перевела на него свой взгляд.

– Почему ты так говоришь?

– Посмотри на неё. Скай заинтересована им и теперь не оставит его в покое, пока не добьётся взаимных чувств. Хотя, судя по выражению лица Генри, он будет только рад её присутствию.

И вправду. Генри выглядит очень необычно, он даже улыбается. Раньше девушки не привлекали его внимание, но Скай удалось растопить его ледяное сердце. Осталось понять, хорошо это или нет?.. В эту секунду мои глаза резко переводят внимание на другого человека, и моё сердце разрывается на мелкие кусочки в груди. Билл, делая большой глоток шампанского, не отрывает от меня глаз, пытаюсь донести до меня какую-то истину. Неужто ревнует? На него это

совсем не похоже.

– У вас необычные имена... – выдавила я, посмотрев на парня снизу вверх.

Тот ухмыльнулся, польщённый от такого комплимента. Но это вовсе не комплимент, а наблюдение.

– Имя сестры переводится как «небо». Я не знаю более подходящего имени для неё, ведь она открытая для всех и вся. И особенная...

– А что означает твоё имя?

– Феникс – это птица, ты же знаешь об этом? Само имя означает «вечно живущий». В переводе с греческого означает «тёмно-красный, пурпурный, багряный». У римлян он символизирует божественное происхождение Римской империи, её возрождение и вечное существование.

– Кто же наградил тебя таким именем? – нахмурилась я, загадочно улыбаясь.

– Моя мать, – коротко ответил Олсон, и на его лице заиграли желваки.

– Да уж, а мне досталось имя Марго, – фыркнула я, в уме поблагодарив родителей за столь уникальное имя.

– Феникс улыбнулся и покрутил мое тело, как пушинку. На секунду я позабыла о Билле и обо всем на свете.

– Ты недооцениваешь своё имя. Оно уникальное и с греческого означает «жемчуг». Между прочим, девушки с твоим именем обычно победители и важные персоны: королевы, дворянки, актрисы. Ты не так уж и проста...

Вспомнив о своём положении, я охотно поверила парню, взбросив брови ко лбу. Он слегка улыбнулся.

– Возможно, твои прогнозы верны.

– Твоё имя великолепно звучит... Марго?... – сделал паузу Феникс, желая узнать мою фамилию.

Я с гордо поднятой головой отвечаю ему:

– Марго Ван де Шмидт!

– Тут его губы расплываются в широкой улыбке, демонстрируя идеальные белые зубы.

– Ван де Шмидт... – по слогам произнёс он, – perfectо!³

* * *

Гигантский циферблат на одной из стен с дорогими статуэтками и скульптурами показал время, которое перешло от вечера к ночи, но никто не хотел уходить. Все танцевали и пили дорогие напитки, слушали музыку и болтали по душам. Здесь я уже достаточно долго и успела повстречать много знакомых лиц или спин, а порой и вообще лишь тени: это мистер и миссис Шелби, наши соседи, одноклассники, папины коллеги, мамины клиенты и подруги. Однако здесь нет бабушки. И, кажется, её единственной. Возможно, она просто не захотела приходить, подумав, что слишком стара для «новомодных вечеринок с ужасными танцами», или она приболела, а может что-то да случилось?.. Я могла лишь гадать, но эта процедура хорошо утомляет.

---

³ Идеально!

Удивительно, этот дом с виду не такой большой, но вмещает в себя столько человек! Здесь и места вздохнуть не должно быть, а люди спокойно передвигаются, танцуют и даже могут лечь на пол, который сделан из бледно-розового мрамора. Полагаю, остальная масса на втором и третьих этажах, или я просто недооценила усадьбу.

Мама раз сто пыталась познакомить меня с какими-то сыновьями тех или иных её подруг. Они были неинтересны мне, а я им, и нас это устраивало. Билл продолжал держать между нами дистанцию, изредка бросая на меня многозначительный взгляд. Как мило.

Решив, что здесь слишком скучно, я направилась к открытому балкону, вид которого выходил на аллею задней части поместья. Это невероятный вид... Дорожка, напоминая ветви ивы, вела к кустарнообразной стене, где размещались беседки. Из-за снега все цветы погибли, но вечнозеленые кусты геометрических форм поддерживали жизнь в саду. Уже наступит весна, и тогда аллея зацветёт. Облокотившись на каменные перила локтями, я принялась любоваться видом и наслаждаться тишиной, которую порой обрывал смех и музыка, исходившие из поместья. Ледяной воздух окутал мою незащищённую материей кожу, и я ощутила холод по всему телу. Только подумав о том, что было бы неплохо накинуть на себя верхнюю одежду или тёплый плед, на мои плечи нежно ложится чей-то белый пиджак с нераскрытым бутон роз, прикреплённым к карману. Без малейшего пред-

ставления, кто это может быть (врушка), я развернулась назад и застала в сантиметрах от себя высокого bruneta с прекрасным бледным лицом и золотисто-кариими глазами. С одной стороны я рада его видеть, с другой мне неловко говорить с ним, ибо не знаю мотива его прихода. Он может накричать на меня, расстаться со мной или обвинить в измене (танец с другим – это считается изменой?). В следующую секунду одним движением рук я закрываю широкие двери веранды, оборвав связь с обычным миром. Надеюсь, никто не стал свидетелем моей магии...

– Я думала, ты злишься, – решила начать беседу, сложив руки на груди.

Билл, ничего не отвечая, облокачивается всем телом на каменную ограду, изучая просторы аллеи. Так же поступаю и я. Бывает тишина расслабляющая, а бывает, как эта – раздражающая. О чём он думает? Почему молчит? Это убийственно – ничего не знать.

– Я злился, – спустя вечность ответил Хофер, облизав сухие губы и повернув шею в мою сторону, – а потом понял, что нет никакого смысла тратить время на обиды. Я просто хочу, чтобы ты знала: я не монстр.

Теперь, когда он так проникательно посмотрел на меня, я ощутила захлёстывающую волну вины. Мне становится грустно.

– Понимаешь, Билл, я просто боюсь... Я читала об этом в бабушкиных книгах: чем чаще ты обращаешься, тем быстрее

ты теряешь человеческие качества и в конце концов одичаешь. Я знаю, что ты никого не убивал, но зачем рисковать?

Хофер привстал и хмуро поглядел на меня. Он не разделяет моего мнения.

– То есть ты хочешь отобрать мои силы?

К сожалению, у меня нет такой власти, и я не занимаюсь темной магией. Я положила свою ладонь на руку Хофера и сжала её, в уме собираясь силами.

– Быть оборотнем не так просто, как тебе думается, Билл. Вспомни Эдди...

В это мгновение он вырывает свою руку и отдаляется от меня, гневно прищулив глаза. Только не это...

– Не надо впутывать сюда историю Эдди! У нас совершенно непохожая ситуация.

– Я знаю. Однако... – попыталась запротестовать, но меня прервали.

– Нет, прошу, хватит. Перестань говорить, кем мне быть. Я же не виню тебя в том, что ты ведьма! – почти крикнул брюнет, броско выругавшись.

– Я никогда не хотела быть ведьмой, ты знаешь это. У меня не было выбора!

Обида поразила меня. Мои губы скривились, а глаза загорелись ярким светом. Как же все изменилось за эти месяцы. Притом не могу понять, в хорошую ли сторону.

– А у меня есть выбор, и я его принял! – Хофер с пренебрежением смотрит на меня, а затем резко делает прыжок и

оказывается уже в той самой аллее, на которую мы смотрели несколько минут назад.

Я быстро облакачиваюсь на перила и ищу в полумраке силуэт брюнета, который смирным шагом идёт куда-то вперёд. Вот невежда! Всегда поступает так – уходит. И почему мы вообще ссоримся? Боже, как же бесит. Кажется, я делаю для себя открытие... Любовь сравнивают с наркотиком, но как по мне, это обычное снотворное, на которое у меня аллергия.

– Ну и куда ты идёшь? – окликнула его я, злясь на всю эту ситуацию, на эту ночь и на жизнь.

Билл, не оглядываясь, фыркает, а после громко отвечает:

– Искать жертву для убийства!

Как же он сейчас меня бесит. Самое ужасное то, что Билл не осознаёт мои благие намерения.

– Придурок! – бросила я ему в спину, руками вцепившись в каменную «стену».

– Истеричка!

Приток негативных эмоций с этой фразой увеличился во сто крат, и потому я выставила обе руки перед собой и второпях, сгорая от желания, прошептала заклинание. В этот момент над Биллом появляется грозовая туча, а затем со всей мощью на его голову полилась дождевая вода. Этому фокусу меня научил ведьмовской дневник. Всегда хотела применить это заклинание.

Вот так ему и надо. Билл медленно повернулся ко мне лицом и закатил глаза, даже не пытаясь скрыться от преследу-

ющей по пятам тучи. От воды его рубашка прилипла к телу и стала просвечивать.

– Ты просто само зло, Марго Ван де Шмидт, – крикнул он мне, заглатывая капли дождя, стекающих по его лицу.

– Не связывайся с ведьмами, это чревато последствиями, – ехидно произнесла я, после чего развернулась и ушла, напоследок наградив волчонка ливнем.

1694 год. Салли Хилл

Огонь в камине потухал, и тишину заполнял треск угля, трещины которого пульсировали красным цветом, как лава под толщей земли. Свечи на столе разгоняли тьму, позволяя жильцам поместья не заплутать в огромных комнатах. За окном быстро смеркалось, словно солнце боялось чьего-то прихода и убегало от страшного оскала зла. А, возможно, так и есть?

Вдруг за дверью послышались чьи-то голоса, и они всё приближались и приближались, а затем тяжёлая дверь с резными узорами распахнулась, после чего в гостиную буквально влетел человек в чёрной мантии, грозно смотрящий под ноги. Он что-то бурно пытался объяснить шествующей за ним женщине, которая властно и хладнокровно слушала человека, не пытаясь перебить его пылкую речь. Изумрудного цвета платье с корсетом, заполучить которое хотела бы любая аристократка, красиво выделяло её формы и фигуру. Женщина закрыла за собой двери и повернулась к человеку, что всё ещё без остановки говорил.

– Это никогда не закончится, пойми! Убит Гипс, а до него и другие мои компаньоны. Это гнев повешенных ведьм, точно тебе говорю, – настаивает мужчина низким голосом, доставая из серванта хрустальные бокалы и какое-то пойло. Он разливает оранжевую жидкость и с шумом кладёт бутылку

на стол, разом осушив стакан. Скорчившись от горького послевкусия, мужчина протирает влажные губы рукой и поднимает серые глаза на жену.

– Почему ты не пьёшь? – спросил он её немного раздражённо.

Она, медленно шествуя к камину, снимает белые перчатки со своих рук и молчит. Это ещё пуще разбудило в её муже гнев, он громко фыркнул и залпом выпил виски, предназначенное для женщины.

– Алкоголь тебя погубит, дорогой мой, – сказала она, косо поглядев на мужа из-за спины.

Тот лишь рассмеялся.

– Какая уже разница, если смерть и так стучится в мои двери. Нутром чувствую, я следующий...

Болезненной смерть для того, кто при жизни ровным счётом ничего не добился. Именно так ему казалось, он придерживался этого закона, выдуманного им же самим.

Женщина выпрямилась и бросила свои перчатки на деревянный стул с мягкой набивкой, глубоко вздохнув, отчего её грудь судорожно вздымается, обернулась к статному человеку.

– Ты бредишь, Эдриан.

Внезапно по всей комнате послышался грозный шум. Кулак мужчины встретился с поверхностью стола, сделанного из дуба.

– Прекрати называть меня сумасшедшим, – прошипел Эд-

риан, обойдя стол и приблизившись к жене совсем близко, — ты не понимаешь! Не осознаёшь, что тебе, мне и даже нашему сыну грозит смерть! Это может быть любой из нас.

— Так перестань ныть и сделай что-нибудь! От нытья живее ты не станешь, — усмехнулась темноволосая дама, сверля голубыми глазами побагровевшее от духоты или виски лицо мужа.

Эдриан вновь плеснул в бокал жидкость и разом выпил её содержимое, рывкнув на женщину:

— Ты всегда была холодна ко мне! Сколько себя помню, ни разу не замечал в тебе нежности и ласки. А я твой муж. Муж, слышишь?

— Слышу, — спокойно ответила она, тише добавив «к сожалению».

— Не мучай меня и ответь на вопрос: у тебя есть любовник?

Время замерло. Пламя свечей задёргалось, как подстреленная птица, а затем издохло, испуская дымок. Эдриан распахнул глаза шире, пытаясь прочесть ответ во взгляде жены, но ту невозможно было понять. Её сердце спрятано глубоко-глубоко, не в груди, не в пятках и даже не в печени. Возможно, сердца и вовсе у неё не было. Наверное, поэтому она так холодна к своему мужу.

— Даже если я тебе отвечу, что ты сделаешь, а? Ты всегда был слабохарактерен. Когда умер твой папаша, и делили наследство, ты даже не смог выпорить у родного брата сундук

с добром, который принадлежал тебе по праву, между прочим. Ты жалок, Эдриан!

Дослушав речь своей жены, Эдриан раздул ноздри и стиснул от злости свою челюсть.

– Ты скупа... Как же я раньше не замечал твоей скупости, куда глаза мои смотрели, куда?! Любовь превращает людей в глупцов. Какой же я осёл! – схватился за голову мужчина. – А теперь слушай меня внимательно, мисс «Толстокожая леди». Собирай свои дорогие ткани, подвески и проваливай в свой Лондон! Не хочу ночевать с тобой под одной крышей!

Эдриан не мог поверить своим словам. Господи, он только что прогнал свою жену! Женщину, которую он полюбил, с которой делил кров, и которая родила ему первенца. Всё ещё пребывая в шоке, он берёт бутылку виски в руки и уже не наливает спиртной напиток себе в бокал, а пьёт его прямо из горлышка.

– Как пожелаешь. Меня в этом доме ничего не держит. Любовь моя к тебе завяла давно и вряд ли расцветёт когда-то вновь. Но только знай, сына я забираю с собой, – женщина разворачивается к мужу спиной и хочет уйти, но его рука крепко хватается за кисть дамы, и та останавливается.

Если перед тобой стоит выбор уйти или остаться – уходи. Человек, дорожащий другим человеком, не допустит подобного распутья. Правда же?

Эдриан поворачивает её к себе лицом и с оскалом говорит:

– Ты не заберёшь моего наследника!

– И кто меня остановит? Эдриан, ты слишком поздно стал мужчиной. Пусти меня!

«Не стоило говорить ей этих слов», – подумалось мужчине. Слепший от ярости и от действия алкоголя, он достаёт из-за пазухи револьвер и наставляет его на грудь аристократки, которая даже глазом не моргнула и не вздрогнула в испуге. Он блефует. Не может он застрелить её, а коли даже так, то ей пуля не страшна.

– В таком случае, мы умрём вместе. Правда, прекрасно? Умереть в один день – это очень романтично! – дышит перегаром Эдриан, от чего женщина хмурит густые брови.

– Ты свинья!

Мужчина громко рассмеялся и пустил курок, безумными глазами смотря на свою возлюбленную. Та в свою очередь уже стала бояться. Неужели осмелится?...

В эту секунду окно за спиной Эдриана резко распахнулось, и в помещение быстро что-то залетело, однако, тень затмила всю комнату. Мужчина не успевает ничего понять, как в его шею впиваются два острых клыка. Увидев это, женщина отпрыгнула в сторону, в страхе прижавшись к стене. От ужаса она онемела и не могла ничего поделать: как бежать, если ноги не слушаются хозяйку? Эдриан сгибается дугой и начинает душераздирающе кричать, однако, этот крик длится секунду, ибо существо ломает ему шею и бросает безжизненное тело себе под ноги. Кровь залила дорогой персидский

ковёр.

Грудь женщины то поднимается, то опускается. Она в изумлении раскрыла рот и пустила горячую слезу, наблюдая за её спасителем и одновременно убийцей. Незванный гость выпрямился и показал своё лицо, которое в полумраке казалось ещё более устрашающим. Громадные клыки прячутся во рту, а кожа вокруг рта разглаживается, лишь капли багровой жидкости стекают по его подбородку. Дьявол, это точно сам дьявол!

– До чего же пресный вкус. Даже если бы я мучился от жажды, не пригубил бы кровь этого господина, – заявил монстр, доставая из кармана своего костюма белый платок.

Он вытер своё лицо и бросил ткань в камин, наблюдая за тем, как огонь пожирает жертву.

Присмотревшись, женщина узнала в лице монстра своего любовника и совсем побледнела от шока, постигшего её. Быть не может...

– Я не знала, что ты демон, – немного придя в здравый рассудок, произнесла дама. Хотя сердце совсем замерло, оно сумело забиться чаще.

– Мне просто хотелось узнать, сможет ли меня кто-то полюбить, не ведая, что я бессмертный монстр, – излил душу хладнокровный, шагнув к своей цели, – время пришло. Ты готова. К тому же, в этом доме тебя ничего не держит.

Одурманенная речью вампира, женщина хотела было протянуть монстру свою руку, как вспомнила одного человека,

которого она любит больше своей жизни. Он важен для неё, как и она для него.

– Мой сын...

– У мальчика будет выбор. Бессмертные станут править этим городом, а ты будешь править бессмертными...

В следующее мгновение свечи в комнате потухают, и темноту заполняет душераздирающий женский вопль.

Знаки

Весь лес был в крови: земля под ногами, деревья и стволы, пышные кусты, камни – абсолютно всё в крови. Казалось, дотронешься до любого листика, и тот растечётся. От ужасной кровавой картины болели глаза. Я смотрю на окружающий меня мир и понимаю, что боюсь, а сердце в грудной клетке нервно бьется не просто так. Ноги ведут меня вперёд, они как будто знают, что им делать, словно кто-то другой диктует весь сюжет. Странно ли всё это? Очень. Но привыкнуть к такому легко, если вы когда-нибудь убивали ведьму...

Конечности приводят меня к выступу. Сначала я ничего не понимала, а позже, когда глаза привыкли к картинке, и красный мир принялся отличаться, я увидела неподалёку от себя реку... Кровавую реку, полную точно таких же кровавых листьев. Увиденное заставляет меня сдерживать рвотный рефлекс, и я делаю полушаг назад, отказываясь от всего: от своей магии, фамилии, истории... Это слишком сложно для меня, я не справлюсь... Но, когда я в панике поднимаю глаза, то вижу, как багровые шубы деревьев, сгорбившихся над рекой, стекают прямо в красную воду, отчего на её поверхности образуются пузырьки, и меня сковывает отвращение. Мерзость... Самое омерзительное то, что здесь пахнет сырым мясом и, конечно же, кровью. Вопрос только один: чья она? В последний раз поглазев на этот отвратительный, но в

тоже время необычно красивый пейзаж, я отворачиваюсь и хочу было убежать, как в десяти шагах от меня появляются мои папа с мамой. Они безжизненно смотрят куда-то сквозь всю эту картину и печально хмурят брови. Не понимаю ни черта!

– Мам, пап, что вы тут делаете? – почему-то раздражённо фыркнула я, быстро зашагав к ним навстречу.

Дело в том, что я за них переживаю. Они не единственные люди, которым я нужна, но одни из дорогих мне.

Однако тут всё резко меняется, и за спиной родителей поочерёдно появляется толпа людей – жители Салли Хилл, которые точно так же печально смотрят вперёд. Так, мне это не нравится, совсем не нравится. Замедляю свой шаг, недоверчиво глядя на целую орду людей. Откуда ни возьмись их лица, плечи, а затем и всё тело покрывается алой жидкостью, которую как будто кто-то выливает сверху на их головы. И я не в силах это остановить. Видя, как мои родители задыхаются в крови, я делаю рывок, чтобы помчаться к ним на помощь, но все тщетно. Я застряла в кровавом болоте, оно засасывает меня под землю. И чем больше я двигаюсь, тем быстрее наступает моя кончина. На тот свет меня провожала чья-то тень.

* * *

Пару дней спустя ничего не изменилось. Подобные кошмары все чаще и чаще навешиваются в моё сознание, отби-

рая у меня право на здоровый спокойный сон. В итоге, из-за этого под моими глазами образовались огромные синяки – вот сейчас я точно похожа на больную наркоманку. Благо уже никто не вспоминает о минувших днях, когда каждый второй человек в Салли Хилл поливал меня грязью, когда все считали, что я законченная наркоманка и шизофреничка. Сейчас всё прошло, поскольку нет больше разговоров об оборотнях, нет никаких походов в лес (только в том случае, если нам с бабушкой понадобится сходить за специальными травами для колдовства) и нет ничего другого странного в моём поведении. Даже Урия перестала обращать на меня внимание, когда пару месяцев назад не давала спуску. «Кажется, жизнь налаживается», – подумаете вы. Но не тут-то было, ибо сны и непонятные приступы рвоты кровью мучают меня ежеминутно. Я так и не смогла найти никакой информации об этом: рвота какого хочешь цвета – пожалуйста, миллион информации, но кровь... В книге, которую подарила мне Сесилия, нет пары страниц. Точно их кто-то специально оторвал, и об этом свидетельствуют их оставшиеся неровные зубчатые части. Порой неизвестность таит в себе большее, чем твёрдое знание. Представления не имею, кому это было нужно и в каких целях, но меня не оставило равнодушным моё открытие. Я бы могла стоять и думать о своих проблемах ещё долго-долго, но в реальный мир меня вернул школьный звонок, и я резко захлопываю свежеевыкрашенную дверцу своего шкафчика. Теперь хотя бы ясно, куда пропа-

ли наши денежные сборы. Где-то шкафчики голубого цвета, а где-то зелёного – ничего не изменилось, лишь добавилась насыщенность и контраст.– Привет, тебе случайно не в кабинет мистера Ленни? – обратился, судя по всему, ко мне чей-то ровный, мелодичный голос, что я аж от любопытства мгновенно развернулась к неизвестному лицу.

Этим «неизвестным» оказалась Скай Олсон, с которой я болтала единожды, не считая этого самого момента. Девушка почти ростом с меня, её пшеничные локоны собраны в конский хвост и обвязаны синей шелковой ленточкой. Одета она довольно хорошо и даже можно сказать круто: обычная белая футболка с изображением портрета Майкла Джексона заправлена в зауженные джинсовые брюки, а на её ногах классные лакированные ботинки на змейке. Возможно, сейчас мне стало чуточку завидно – я тоже хочу такие ботинки! Но последнее, однако, немаловажное, что я заметила – цвет её невероятных глаз. Раньше я не придавала им никакого значения, но сейчас мне хочется отметить их глубину и пронизательность. Самое удивительное – глаза абсолютно чёрные, как омут демонов или безлунное небо. Красотища!

– Э, да. У тебя тоже? – очнулась я, несколько раз моргнув глазами.

Коридор почти опустел, остались лишь прогульщики и неопределённые человечки, вроде меня и Олсон.

– Угу, – кивнула Скай, облокотившись на другую ногу, – у меня ещё не было в расписании естествознания, поэтому я

без понятия, где находится этот чёртов кабинет.

Она неловко поджала широкие губы и замолчала, давая мне возможность ответить ей. Однако странно это, потому что: во-первых, всем новеньким ученикам вручают листок с расписанием уроков и картой кабинетов, а во-вторых, они с Генри часто общаются, и тот мог бы провести ей экскурсию по школе. Что-то тут нечисто.

– Я думала, у тебя есть все сведения о местоположении классов, – сказала я, нахмутив брови.

– Есть, но я забыла листок дома, и повторяюсь, естествознание у меня сегодня впервые.

Окей. Победа за ней. Может, она просто хочет со мной познакомиться? Отчего я такая недоверчивая? Это иной раз так раздражает! Обменявшись любезностями, мы направились вдоль коридора, в сектор С, где и находился нужный нам кабинет. Сперва мы шли в абсолютной тишине, хотя каждой хотелось расспросить другую о том о сём, но никто не делал первые попытки. По крайней мере, так казалось в первые секунды.

– Вы с Биллом встречаетесь, да? – повернула ко мне шею девушка, крепче прижимая к себе учебник с тетрадкой. Боже, я только их заметила.

– Это он тебе сказал? – на самом деле мне уже ничего не понятно – встречаемся мы или не встречаемся. В последнее время мы только и делаем, что ссоримся. Быть может, я ошиблась? Не стоило искушаться чувствами и надо было

остаться друзьями? В этом мире даже любить стало сложным делом. Глупо полагаться на сердце, ведь ему тоже свойственно ошибаться.

– Не совсем. Его взгляд, – прищурилась Скай, отчего-то улыбаясь очень широко и по-детски, – когда вы с моим братом танцевали, он с ума сходил от ревности.

И тут мне захотелось смеяться, но я сдержала свой напор и лишь расплылась в снисходительной улыбке. – Думаю, ты прогадала. Билл не умеет ревновать, по крайней мере, меня, – немного поникла я, вспоминая все свои отчаянные попытки заставить парня почувствовать то, что приходится испытывать мне, когда он с кем-то мило болтает.

– Возможно, он хочет внушить тебе это, но на самом деле Билл боится потерять тебя, Марго. Сразу видно, как вы держитесь друг за друга. Такое... стоит ценить, – сверкнула чёрными глазами она, а затем, не дожидаясь моей реплики, постучалась кулачком о белую гладь и вошла в кабинет естествознания.

Что ж, прекрасно, теперь весь урок я буду думать лишь о словах Скай, которая подкинула мне пищу для размышлений.

* * *

Он только что закончил дописывать домашнее задание, после чего облокотился на спинку стула и устало выдохнул, хватаясь за голову. Ноги и руки затекли, а это ощущение его

очень бесило. Ровно так же, как странное чувство, поселившееся в нем. Что это может быть? Такое он испытывал единожды и то мимолетно, яркими вспышками, которые быстро угасали. Безрассудство! Как его угораздило влюбиться в неё? Да и вообще, что такое эта «любовь»? Мимолетный экстаз, наркотик или яд? Нет. Любовь великая вещь, ценность которой современники обратили в неуважение.

Стоит перестать думать о ней и заняться поистине важным делом. Генри нагнулся вперёд и достал из шкафчика письменного стола фотографии и свой блокнот, в котором он пару месяцев назад делал пометки о деле с оборотнем. Его рука небрежно схватилась за край снимка. Что же это может быть? Ураган? Какое-нибудь животное? Стоп, сразу нет, иначе откуда здесь может быть отпечаток человеческой стопы? На плечи Генри снова воздвигнута задача разобраться в странностях и понять, с чем на сей раз столкнулись жители Салли Хилл? Следующая фотография – изуродованный ствол дерева. Блондин взгляделся в неё как можно пристальней, боясь упустить мельчайшие детали, которые могут быть очень полезны. Это точно не животное, как минимум не обычное.

Внезапно синяя дверь открывается, и на порог комнаты входит его мать в чёрных классических брюках и рубашке-парашюте. Генри поднял голову и увидел Кэтрин во всей её красе, даже удивившись её внешнему виду. Что это с ней? Женщина мгновенно уловила его мысли и оглядела се-

бя сверху вниз.

– Нравится? – улыбаясь, спросила она, демонстративно позируя.

Парень остолбенел.

«Что происходит?», – не мог понять он. Свет подсвечника мягко лёг на левую часть лица блондина, пытаясь объять его холодное тело, но тщетная попытка. Кажется, Ридл всегда будет холодным ледником.

– Есть какой-то повод? – откашлялся он, соединив свои руки пальцами.

Кэтрин, повременив с ответом, подошла к комоду с зеркалом и принялась разглядывать себя, поправляя накрученные локоны то вперёд, то назад.

– Можно сказать и так, – «всё-таки лучше, если волосы будут за плечами», подумала она, – ты же знаешь истинную причину нашего с тобой переезда в Салли Хилл?

Генри насторожился, но внешне сохранял непоколебимость. Само спокойствие.

– Да...

– Я думала, хотя бы здесь найдётся сенсация, перевернувшая бы мир новостей вверх дном, однако, я опростоволосилась, дорогой, – с горечью призналась Кэтрин, повернувшись к сыну всем телом.

Сердце Ридла застучало чаще. Он боится. Боится того, что приготовила для него мама.

– Тебя уволили из редакции? – поднажал блондин, пыта-

ясь не впадать в панику раньше времени.

Только не сейчас. Он должен помочь Марго с Биллом в решении ещё одной загадки.

– ...Да, – выдохнула женщина.

По её бледно-желтому лицу ясно, какие усилия ей пришлось приложить, чтобы признаться родному сыну в своём провале. Она подвела его и опустилась на самое дно. Быть может, если бы Генри жил с отцом, мальчик бы не переживал то, что происходит в эту секунду, в этой комнате. Салли Хилл был последней надеждой...

Падение с пятого этажа испытал только что Генри. Его сердце в груди больше не трещит, оно замерло, как трусливый заяц во время погони с волком. Его мир разбился на тысячи осколков, и он чувствует, как каждый осколок всаживается в его кожу всё глубже и глубже.

– И что же, мы покидаем Салли Хилл? – сглотнул кислый комок Ридл, прикусив нижнюю губу.

Кэтрин потупила взгляд. Она долго думала об этом. Ей надо было принять решение, которое изменит их с сыном жизнь, главное не ошибиться. Однако судьба к ней благосклонна – ей улыбнулась удача.

– Сперва я думала отправиться во Флориду или обратно в Бостон, чтобы найти другую работу, а потом... Работа сама отыскала меня, – ободряюще улыбнулась женщина, сделав шаг в сторону мальчика.

Генри скрипнул зубами. Он ненавидел «тянучек»: тех, кто

всё время много болтает перед желанной правдой. К сожалению, его мама была одной из таких людей.

– В итоге мы остаёмся или нет?! – взорвался блондин, повысив тон голоса.

– Мистер Олсон на вечере по случаю возвращения в родной дом обратился ко мне с просьбой написать автобиографическую книгу, разве не прекрасная новость? А гонорар – вообще свихнуться можно, такие большие деньги! – на одном дыхании выпалила Кэтрин на радостях.

Уловив фамилию Олсон, в груди подростка всё заревело. Он перевёл дыхание и вновь выбросил из головы возлюбленный силуэт. Однако странный это тип Николас. Жаль, не удалось поговорить с ним лично, уж тогда бы Генри вывел его на чистую воду.

– Поздравляю, мам. Для этой работы обязательно наряжаться, как на красную дорожку? – прыснул Ридл, свесив руку через стул.

Светловолосая женщина цыкнула и закатила глаза:

– Любая женщина хочет выглядеть хорошо!

– Не спорю, ну а ты тут причём? – пошутил Генри, и сразу же получил подзатыльник.

Кэтрин попросила его не оставлять входную дверь открытой (она взяла с собой запасные ключи) и никуда не уходить. Ей Богу, словно её сыну не семнадцать, а пять лет.

В комнате стало тихо. Генри ещё секунду не двигался, а затем протяжно зевнул и протёр уставшие глаза руками. Он

схватился за чёрную ручку и нацарапал в своём блокноте два слова – Николас Олсон.

В Салли Хилл что-то происходит, множество нитей, которые невозможно соединить между собой: исчезновение девушки, странности в лесу и переезд, а точнее возвращение какой-то влиятельной и явно непростой семьи обратно в город. Есть ли тут связь? Генри Ридл снова в деле.

Колодец тьмы

Город изменился. Неизвестно, какие силы повлияли на эти сдвиги, но разница между «до» и «после» прибытия или, иначе, возвращения семейства Олсон чувствуется. Ожили улицы: народу вечером стало больше, когда раньше все спешили домой, боясь стать жертвой волка-людоеда. Кажется, Салли Хилл сбрасывает с себя бремя «дюжины». В связи с этим люди сами по себе расцвели, теперь от них возможно было услышать такие слова как «добрый вечер», «приятного дня», «как ваши дела?» и тому подобный выброс слов. Радует ли меня этакий сдвиг? Разумеется. Но, несмотря на эти изменения, меня все ещё не покидает тревожное состояние, как животных при приближении цунами или птиц во время извержения вулкана. Запомните, никогда не оставляйте без внимания свою тревогу – если вы ощущаете дискомфорт, значит, ваше шестое чувство пытается вас предупредить о скорой беде. К сожалению, я хоть и обращала внимание на некоторые знаки своего организма – зуд, пустоту внутри и конечно же рвоту кровью – однако, я не могла понять одного: к чему весь этот цирк? Это единственное мне не давало покоя.

Семья Олсонов появилась в Салли Хилл не случайно, потому что все здесь появляется не случайно. В нашем городе нет совпадений. Происходит то, что должно быть.

Своими мыслями мне захотелось поделиться с бабушкой. Только она одна способна понять мою тревогу и объяснить то, что со мной происходит на данный момент. Однажды она мне сказала: «Только ведьме под силу понять другую ведьму». Мне не терпится проверить её теорию. Поэтому, дожидаясь, пока Сесилия спроводит своего покупателя на выход, я задумчиво мешала сахар в своей чашке чая. Но, как таковой, сахар уже давно успел раствориться в горячем кипятке, и, получается, я просто погрузилась в свои мысли. Тем временем бабушка отдала сдачу женщине с дурацкой причёской, как у пуделя, и напомнила правила применения настойки, чтобы клиентка ничего не напутала. Та, в свою очередь, поблагодарила её и утиным шагом направилась к выходу, одарив напоследок Сесилию доброжелательной улыбкой. Гипноз пал. Моя кисть остановилась, и алюминиевая ложка перестала двигаться по часовой стрелке, но водоворот в чае не думал останавливаться. По крайней мере, сразу.

– Ох, не могу уже, – завывала бабушка, подходя к круглому столику, за которым мы обычно попиваем чай, – десять раз подробно объяснила, что да как, а эта маразматичка ни черта не понимает. Надеюсь, она ничего не перепутает!

От красноватой кожи щёчек бабушки-наставницы я слегка улыбнулась, пытаясь встать на её место и понять всё то раздражение, которое она сейчас собственно и испытывает. За эти месяцы Сесилия заметно изменилась (надеюсь, хоть на это не повлиял переезд Олсонов, иначе я сойду с ума):

её волосы заметно поредели, взгляд тусклый, как свет уличного фонаря в час обильного снегопада; губы сухие, а кожа дряблая. Такое впечатление, будто бабуля за этот промежуток времени постарела на десять лет. Я могла бы расспросить её об этом, и я спрашивала, но она давала расплывчатые неточные ответы, а потом и вовсе переводила тему. Самый распространённый ответ – «я просто сильно устаю». Конечно же, она что-то не договаривает. У ведьмы столько тайн, что она может даже автоматически солгать, того не понимая. Я отпила глоток тёплого зеленого чая и ощутила, как жидкость льётся по моему пищеводу, согревая самые тёмные уголки. Это позволяет мне немного расслабиться.

– Бабуль, ты же в курсе, что у нас в городе пополнение? – я решила начать с самого начала, чтобы растянуть время и правильно сформулировать вопрос.

Сесилия, не поднимая глаз на меня, бросила в свою чашку два кубика сахара, энергично мешая содержимое ложкой. Когда она, наконец, закончила возиться, вынула ложку, постучала ею по бортику стакана, а уже после убрала её на блюдце.

– Конечно. Я знаю, что они устраивали новоселье и даже пригласили меня, – ответила спустя минуту бабушка, мимоходом взглянув мне прямо в глаза.

– Но ты не пошла? – догадалась я.

Хотя, здесь и думать не надо. Сесилии не было видно ни разу за весь вечер в особняке, отсюда и вывод – она про-

сто-напросто не явилась в дом.

Бабуля легонько закивала, держа обеими руками чашку, как бы согревая ладони, а после продолжила:

– У меня были другие дела. Да и вообще, что делать пожилой женщине на таком вечере? Я любитель посидеть дома, в своём кресле, а не болтать с собственными покупателями о, допустим, глобальном потеплении.

И здесь я задумалась: а могли бы ведьмы остановить глобальное потепление? Если да, то почему не сделают это? Всё-таки мне ещё трудно разобрать мышление ведьм и их чашу весов.

– Эти Олсоны сказали, что их предки жили здесь когда-то. Тебе что-нибудь известно об этом? – глотнула я чая, посмотрев на ведьму-наставницу исподлобья, будто спрашивая у неё о самой опасной тайне мира.

Та замешкалась. Женщина нахмурила тонкие брови, отчего на её лбу выступили морщины, и сглотнула жидкий комок напитка в горле, барабанив исхудалыми пальцами о чашку. Думает. Вспоминает.

– Я не помню людей в Салли Хилл с такой фамилией. Возможно, эти самые их предки проживали здесь не в мою молодость?

Я боялась услышать эти слова, потому так насторожилась и стремительно побледнела. Если верить бабушкиной памяти, то получается, что Феникс врал. А зачем ему это? Он скрывает истинную причину их возвращения? Ещё одна

загадка, которую надо непременно разгадать. Я это так не оставлю.

– Возможно... – выдохнула я, повторяя за ведьмой, что всё это время странно разглядывала меня.

Её не проведёшь, она у нас ищейка.

– Тебя что-то гнетёт?

Ожидая этого вопроса, я не стала темнить и растягивать, а просто выложила все свои мысли ведьме: и о странных снах, и о непонятном ощущении, которое появляется, когда поблизости находится кто-то из Олсонов, а также о поведении Билла с моими обвинениями в его персону. Заметьте, я рассказала обо всём, кроме одного – рвоты кровью. Может, я просто испугалась диагноза? Или ещё что-нибудь такое? Однако мне просто трудно говорить об этом – и я понятия не имею почему.

Терпеливо выслушав меня, Сесилия отстранённо и в то же время твёрдо уставилась в свой стакан, время от времени дёргая бровями, словно она спорила сама с собой, и сейчас внутри неё разгорелся какой-то конфликт. К сожалению, мне не повезло стать его участником. Я дожидалась её здесь, в реальном мире.

И вот бабушка глубоко вздохнула и выпрямила плечи, положив свою горячую ладонь на мою руку. Этот жест никогда мне не нравился. Я питаю к нему неприязнь. Почему? Да потому что этот жест не сулит ничего хорошего. Как только на вашу руку кладут ладонь – не ждите добрых вестей. И в эту

самую секунду я задержала дыхание, чтобы услышать режущие слова, которые разрушат в очередной раз мой привычный мир.

– Марго, запомни, детка, подобные сны для ведьмы – это сигнал от мёртвых, которые пытаются предупредить тебя о беде. А из того, что ты мне сейчас поведала, я смело заключаю, что души мёртвых ведьм хотят предупредить тебя о чём-то. Но ты сопротивляешься, не позволяешь им проникнуть в своё сознание.

Тело покрылось мурашками, а в горле застрял кислый комочек. Стекланный взгляд бабушкиных глаз говорил о том, что данная тема очень серьёзна. Сейчас не стоит шутить или смеяться. Я не стала перебивать её своими сомнениями и просто позволила продолжить говорить дальше. Но, чёрт возьми, как же мне хочется остановить планету и сойти с неё.

– Ты должна перестать блокировать свои сны. Откройся им. Они нам не враги, помни об этом, ладно? – Сесилия мягко улыбнулась.

Мысли о том, что я должна во сне встретиться со своими мёртвыми предками-ведьмами не давали мне покоя. Как можно здраво мыслить, когда твоя жизнь, чёрт подери, мистическая история? Повезло же мне с судьбой, да?

– Связано ли всё это с переездом Олсонов? Мне от них не по себе, – скукожилась я, вспоминая первое странное ощущение при виде Феникса.

Меня терзали смутные сомнения, да и сама мысль очень

пугала меня. Однако, раз она созрела в голове, значит, была какая-то причина так подумать. Я чувствовала одно – Олсоны не просто вернувшаяся в свой родной город семейка (хотя и это уже под сомнением), и возможно, они вовсе не простые люди, какими прикидываются.

– Ты об этом узнаешь, дорогая. Ведьмы тебе всё поведают, – загадочным тоном прошептала бабуля, убрав свою руку с моей, – просто нам нужно быть начеку. Раз мёртвые пытаются с нами связаться, значит, зло возвращается в Салли Хилл. Надо быть готовыми.

«Зло возвращается» пульсирует у меня в голове. Перед глазами как фильм показались нарезки минувших дней: от первой встречи с Биллом до борьбы с Сарой. Пережить подобное ещё раз? Какой сумасшедший пойдёт на это? В одном уверена точно – Билл и Генри обрадуются новостям. Эти два чёртовых любителя экшена готовы к любым опасностям. Но это не точно.

* * *

Изменения коснулись и школы. Нет, речь не идёт о покраске шкафчиков, здесь дело в другом – в учениках. Они болтливы, активны и даже улыбчивы. Весь город будто взяли и подменили. Может, нас захватили пришельцы, которые вставили в наш мозг микрочип и теперь управляют нами? Э, нет. Скорее драконы и грифоны с гномами.

Когда закончился третий урок, я спрятала свои учебни-

ки прочь и достала из шкафчика фиолетовый контейнер с едой, после чего, не мешкая, поплелась в кафетерий, где за нашим обычным столиком меня ждали парни. Так каково было моё удивление, когда я увидела за нашим местом ещё людей, а именно новеньких учеников Старшей школы Салли Хилл – Скай и Феникса. Мои шаги замедлились, пока я совсем не остановилась в паре метров от стола, где подростки что-то бурно обсуждали. Не знаю, почему мне стало грустно, не знаю, почему в душе образовалась дыра. Просто, смотря на эту сцену, я ещё больше возненавидела Олсонов, которые что-то скрывали от всего города. От доброжелательно улыбающегося им Билла, от задумчивого Генри, от меня... И именно об этом мне не терпелось рассказать друзьям. Однако... вы всё видите сами.

Очнувшись, я перевела дыхание и вновь заставила свои конечности функционировать.

– Привет, – натянув вежливую улыбку, сказала я, садясь на стул рядом с Биллом, с которым мы хоть и разговариваем, но от его слов веет холодом.

Вновь в кожу впились иголки, вновь это странное чувство. Боже!

– Привет, Марго. Надеюсь, ты не против, что мы с братом составили вам компанию? – обратилась ко мне Скай, быстренько поменяв тему беседы. И вроде бы в этих предложениях не было ничего такого, но я явно слышала нотки стёба.

Достав из контейнера сэндвич с курицей, я оглянула стол,

оценивая еду ребят: с Генри все понятно, Билл с картошкой и сырным соусом, а у Феникса лишь нетронутое яблоко и сок, у его сестры гамбургер и морковные котлеты. Ничего подозрительного. Может, я просто изнурила себя? Надо отвлечься.

– Есть планы на вечер? – спросила я, откусив кусок сэндвича.

К счастью, содержимое в тостах не шлепнулось на стол. Уже хоть что-то. На вопрос отвечает Генри:

– Я собираюсь показать Скай город, давно это планировали, – оживился он, почесав нос свободной рукой, а затем добавил: – спасибо ещё раз вашему отцу.

Феникс, который сидел рядом с Ридлом, хлопнул его по спине и улыбнулся. Кажись, все были в курсе событий, все, кроме меня одной. За что спасибо Николасу? Вихрь вопросов образовался в моей голове, и я не сдержала своего любопытства:

– Я что-то пропустила? – неловко улыбнулась я во весь рот, изогнув вопросительно брови.

Мне не нравится оставаться в неведении происходящего.

– Мать Генри уволили с работы, а мистер Олсон любезно предложил ей работу, тем самым спас их от внепланового возвращения домой, – дал объяснения Билл, бросив на меня мимолётный взгляд.

Удивлена, но не показала этого. Лишь кивнула и продолжительно замычала, дожёвывая во рту свой бутерброд. Лад-

но, проехали. Я снова набрала воздуха и обратилась к Хоферу, который сегодня по традиции накинул на себя пиджак с инициалами «В. Н», и я этому была безумно рада. Хотя что-то остаётся без изменений.

– А что насчёт тебя? Может, сходим в «Мокко»? – спросила я его, вспоминая те замечательные дни, когда мы вместе бродили по городу, болтая обо всем и периодически обнимаясь, как обычные влюблённые парочки из кинофильмов.

– Прости, Марго, но мы с Биллом договорились сыграть в бильярд у нас дома, – сверкнул глазами Феникс, поспешно добавил, сложив губы в невидимую полосу, – если, конечно, ты не против?

По сути, кто я такая, чтобы запрещать Хоферу играть в бильярд? Но тот факт, что он будет находиться несколько часов с этим... человеком, меня бесит. Нет, не так, меня это приводит в слепую ярость. Мы не знаем, кто они, это очень невыгодно. Скрыв разочарование и обиду, я улыбнулась и сделала самое беззаботное лицо, какое только смогла:

– Конечно же вы можете расслабиться, о чём речь? Значит, сходим в следующий раз...

И вдруг Билл сделал то, что мне было необходимо. Видимо, он почувствовал фальшь в моих словах и в следующее мгновение приобнял меня одной рукой, притянув к себе ближе. Стресс, злость, обида – всё это обратилось в пыль, и мне удалось ощутить умиротворение. Ура!

– Завтра я целиком и полностью твой, – фирменно улыба-

ясь, сообщил мне Хофер, поглаживая большим пальцем мое плечо.

– Договорились.

Гвалт в кафетерии увеличился, и я перестала слышать собственные мысли. Слава Богу. Не успев вдоволь насладиться объятиями Билла, к нашему столику подходит одна личность, с которой мы не раз имели дело. На удивление девушка направилась не к сыну мэра, а к новенькому парню. Она, улыбаясь во все зубы, встала сзади него и обвила тоненькими руками его шею, наклонившись к шёлковому лицу Феникса. Тот довольно улыбнулся. Вот как значит, у Фурии новый предмет воздыхания. Я поражаюсь ей, ещё пару месяцев назад она бегала за Хофером, а сейчас я вижу совершенно иную картину. Хотя мне ни к чему жаловаться, ибо сбылись две мои мечты: первая – Фурия оставила в покое меня, вторая – она отстала от Билла.

– Привет, – замурлыкала Хофман, не обращая внимания на присутствующих, – сегодня всё в силе?

Скай закатила глаза и повернула шею в противоположную от темноволосой сторону, мечтая, чтобы та поскорее исчезла. Здесь я с ней абсолютно солидарна.

– Да, но сперва мы с Биллом хотим сыграть в бильярд, – поглядел на девушку Феникс, игриво улыбаясь, – я позвоню тебе, когда освобожусь, ладно?

Урия выпрямилась, а ухоженные руки всё ещё находились на плечах брюнета, и довольно озарилась улыбкой.

– Буду ждать твоего звонка, – пропев это, она грациозно зашагала в сторону, пока не пропала из виду, смешавшись с толпой.

Все привыкли к подобному зрелищу, только сменился главный объект. Думаю, Фениксу это только на руку. В конечном счёте, абсолютно все играют с Фурией. Любовь – нет ей в этой истории места. Ни одна из сторон вроде не жалуется.

– Наконец она ушла, – буркнула Скай, недовольно нахмурив ровные брови.

– Да ладно тебе, сестрёнка. Она не так уж и плоха, – заступился Олсон-младший.

– Будь осторожен, Феникс. От Ури трудно избавиться, – предупредил того Билл, язвительно усмехаясь, – хотя у меня было легче – со мной же была Марго.

Все захихикали и уставились на мою кислую мину.

– Ха-ха, как смешно, – боднула локтем в живот парня я, пытаюсь не обращать внимания на смешок ребят.

Уж поверьте, смешки в мою сторону – не самая большая трагедия в жизни. Мы через это уже проходили.

Пока друзья смеялись надо мной и вспоминали прошлое, я с трудом сдерживала стон, который провоцировало покалывание по всей коже. Всё-таки с Олсонами что-то не так.

* * *

Когда одиночество единственное, что у тебя остаётся – ты

сходишь с ума. Так я думала раньше. Так думали мои родители. Друзья. И враги. Но сейчас эта фраза стала для меня пустым звуком, потому что я отнюдь не в одиночестве. И, наверное, никогда там не была.

Пока родители сидели в гостиной и смотрели остросюжетное кино, поедая купленное мамой крем-брюле, я готовилась к колдовству. Если вы представляете пиктограмму, мел, чашу с кровью, жертвенную крысу и книгу заклинаний – пожалуйста, остановитесь. Отчасти не всё в вашей фантазии правда. Я сижу по-турецки на своём паркете, прямо в середине комнаты. Свет потушен, помещение освещают три свечи, которые образовали невидимый треугольник: две рядом со мной (слева и справа) и одна напротив. Мелом я медленно и аккуратно черчу линии, тем самым соединяя каждую свечку между собой. Теперь треугольник отчётливо виден. Страшно ли мне колдовать одной, без бабушки и её наставлений? Не очень, я уже хороша в практике, и Сесилия гордится мной. Она все время повторяет, что я могущественная ведьма. Пора это доказать, в первую очередь самой себе.

Зная свою мать, я закрыла дверь на замок, чтобы та в самый неподходящий момент не вошла в комнату. Уже представляю её удивленный взгляд и крик, затем допросы и истерика. Я раскрыла древнюю книгу ведьм на нужной странице и положила её на свои ноги. Чётко выведенные буквы, складывающиеся в слова, которые после образовывали заклинание, пугающе бросали тени. Далее – самое интересное. Не

спрашивайте, как мне это удалось сделать, потому что часть моей памяти как будто отшибло, или в тот момент я находилась в прострации, честно, ничегошеньки не помню. Но мне как-то удалось достать нить волос Скай и ручку Феникса. Хотя, по-моему, я вспомнила: у нас с Олсоном младшим общий урок математики, а пшеничного цвета волос юной красавицы мне удалось достать на уроке анатомии: девушка сидит впереди меня, и как повезло, что в тот момент, пока все записывали конспект, я присвоила себе упавший на спину волос Скай. И теперь эти предметы передо мной.

Плавным движением кладу нужные ингредиенты в центр треугольника, а между ними рисую небольшой круг, в котором спустя секунду стоит обычный прозрачный стакан с водой. Цель этого колдовства: узнать, кто есть Олсоны. Если заклинание сработает, мне удастся подобраться к ним ближе. Это будет большой прорыв.

В комнате стало совсем тихо. Даже шум телевизора доходил до моих ушей приглушённо, словно из трубы. Поправив волосы назад, я сомкнула веки и сконцентрировалась на семейке странных поселенцев. В темноте всплывает сперва лицо Феникса, наш с ним танец и беседа, затем настал черёд Скай, а именно её улыбки, разговора и глаз. Сердце в груди забилось чаще, я мгновенно распахнула глаза и схватилась за серебряный нож, который будет служить мне проводником из прошлого или настоящего двух человек.

– Арканум матус те мелл стениум туам. Арканум матус те

мелл стениум туам, – металлическим голосом считывала я заклинание, и огонёк свечей беспорядочно задергался и подался вверх, прожигая темноту.

Стакан с прозрачной жидкостью в центре треугольника забурлил, и пузыри с воздухом лопались на его поверхности. Я чувствовала, как с каждым произнесённым мною словом нож в руке раскалялся, подобно камню в пустыне. Сердце бешено отбивало ритм, от чего грудная клетка сильно тряслась. Раз за разом произношу заклинание, зажмурив глаза, чеканя каждый слог. Нож в руках, наверное, даже покраснел от грядуса огня, который в нём поселился. Кажется, ещё секунда и серебро в моих руках расплавится или рванёт, как праздничный фейерверк, но потом происходит всё слишком быстро: вот бурлит вода, накаляется нож, стучит сердце, звучит заклинание, а затем полная тишина... и крошечная тьма.

Я всё ещё слышу учащённое сердцебиение и ощущаю горячий нож в своих руках, и даже чувствую... это что, ветер? Лёгкое дуновение ветерка? Резко открываю глаза в ожидании увидеть картинку, в которую мне повезло попасть. Однако передо мной одна только пустота, чёрная пустота. Мои ноги больше не сложены, теперь они висят, как постельное бельё на верёвке. Крепче сжав нож в руке, я немного обожглась, но не издала ни звука. Где я? Это омут? Чей: Феникса или Скай?

Вдруг мои уши пронзает тоненький голос. Сперва я не могла понять, кому он принадлежит, ровно так же, как и

откуда он исходит, пока до меня не дошло, что вопль звучит со всех сторон. Он окружает меня, притесняет и давит, как какой-то нелепый мальчишка, издевающийся над крохотным муравьем. Душераздирающий, как будто нечеловеческий вопль всё увеличивается и становится громче, пока я не слышу его уже совсем под ухом. Картинка так и не появилась, но это было и необязательно. Надеюсь.

– Нееееееееет! Очнись! Пожалуйста, Бога ради, открой глаза! Маменька, открой! – разрывается девичий голос, утопая в слезах, в которых она задыхалась, судя по прерывистому дыханию.

Я повернулась налево, ибо показалось мне, что кто-то стоит совсем близко со мной. Темнота не рассеивалась.

– Полно тебе, полно. Перестань, дитя, изводить себя, – сказал кто-то новый.

Голос женский, сухой, но нежный. Кажется, носитель этого голоса – женщина преклонного возраста. До меня доходят какие-то посторонние звуки: женщина гладит девушку по спине, а та судорожно всхлипывает.

– Она умерла, сестра! Что же мне теперь делать без неё? Как мне жить? Маменька, на что ты меня оставила? – повторно заревела девушка, заикаясь.

«Сестра»... Возможно, медсестра?

– Бедняжка, поди ко мне, я тебя утешу, – судя по звуку, сестра её обнимает.

– Лорд Болтендург теперь точно возьмёт меня в жены! На-

сильно! За волосы! А я не люблю его, я ненавижу его! Элен, как мне быть, родненькая? Я совсем одна, сиротка! Погубят! Погубят!

Девушка, которую я узнала с первой нотки, совсем пала духом и завывала подобно раненому животному. Я не могла понять одно... «Лорд», «маменька», какое это время? Ничего не понимаю.

– Не плачь, милая, мы что-нибудь удумаем. Не станешь ты женой этого сухаря, не плачь! – утешает девушку та, что зовут Элен.

Не вижу, но слышу, как Скай отлетает от пожилой женщины и, полагая, смотрит ей в глаза.

– Нет, Элен, ты не понимаешь. Он чудовище! Это он убил моего кузена, он отобрал наши земли, он потребовал у матери мою руку! Чудовище! Всю мою семью погубил и за меня теперь берётся, мерзавец! Ой, несчастная я теперь, Элен!

– Тьфу, дура! – топнула ногой Элен. – Что ты, неладная, сама на себя беду навлекаешь? Вытри свои глазки, таким глазам непозволительно плакать! Есть выход...

Минутная тишина. Сперва мне подумалось, что трагичная сцена закончилась, но резкий звук вновь привлекает моё внимание.

– Да, есть один выход... – шмыгнула носом Скай. – Если Лорду так угодно, буду я его супругой. Он получит мою душу, мою руку, тело, сердце...

– Что ты такое говоришь?! – возмутилась женщина.

— ...Получит меня, но мёртвую.

Элен в ужасе ахнула, а затем завывала. Она начала кричать и умолять Скай передумать, но та всё решила окончательно. В голове пульсируют их крики, а потом наступает мёртвая тишина. Но чувствую, это ещё не конец.

Сперва тихо. Затем достаточно, чтобы я сумела расслышать, донёсся шум дождя, разбивавшегося о землю. Я не чувствовала влагу, ибо здесь я как призрак и не могу до чего-нибудь коснуться. Однако холод пробирал мои кости, и я обхватила себя руками. Картинка так и не появилась. Опираясь на слух, мне удалось разобрать то, где я сейчас нахожусь: шум реки, дождь, шелест листьев, где-то пение лесной птицы. Но ни одного голоса человека. Лишь прерывистое дыхание. Здесь кто-то есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.